

А Л Е К С Р А У З

18+

НОЧНАЯ СМЕНА

• ПОДПИСКА НА ЖАЖДУ •

Алекс Рауз
Ночная смена.
Подписка на жажду
Серия «Инсомния»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74408556

Ночная смена : Подписка на жажду / Алекс Рауз.: РИПОЛ классик;

Москва; 2026

ISBN 978-5-386-15626-8

Аннотация

Сначала Кир умер. Обычно герой умирает в конце, но Киру, как всегда, не повезло. А потом он сломал крышку гроба и познакомился с изнанкой ночной Москвы. Теперь его дом – секретные станции метро под сердцем столицы. Кир поселяется в общине тех, кто годами прячется в тени. Ему предстоит не только научиться утолять голод «консервами» из донорской крови, но и сделать главный выбор: окончательно потерять душу или любой ценой сохранить человечность.

Пока девушка Кира безутешно оплакивает потерю наверху, в подземном мире сгущаются тучи. Один за другим сородичи вурдалака сгорают заживо – древнее пророчество о Жар-птице грозит положить конец их не-жизни.

Эта книга – мрачное городское фэнтези о попытке остаться человеком даже с небьющимся сердцем и стремлении к жизни, побеждающей даже смерть.

Содержание

Пролог	9
10... копать или не копать	18
Интро. Когда умирают сказки	31
9... Это кожа убийцы, Костя	40
Интро. Когда умирают сказки	61
8... Животные не умеют шутить	67
7... Я вурдалак, а он упырь поганый	83
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Алекс Рауз
Ночная смена.
Подписка на жажду

Серия «Инсомния»

VK-сообщество издательства „Молодость“

Сайт автора

РИПОЛ
КЛАССИК

Молодость

© Алекс Рауз, 2026

© Издание и оформление. ООО Группа Компаний «РИ-ПОЛ классик», 2026

Молодость ©

Пролог

День, когда Кир умер, начинался слишком обычно.

С первыми утренними лучами он плотно задернул шторы. Едва зарозовевшее небо скрылось за мраком черной ткани, и в спальне вновь воцарилась ночь. Будь его воля, рассвет бы никогда не наступал. Но жизнь не любит проигрывать.

В очередной раз тишину разорвала настойчивая трель будильника. Ну кто придумал эту гадость? Какую мелодию ни поставь, уже на следующий день ты ее возненавидишь. Кир вслепую потыкал кнопки громкости на телефоне, чтобы звуки смолкли, и только успел блаженно расслабиться, как дверь распахнулась, впуская внутрь блондинистый вихрь по имени Виктория.

– Восстань, воин мрака! – Она с хохотом распахнула шторы и встала напротив кровати. – Царство света пришло к тебе!

– Вик, ну минуточку еще... – Кир спрятал лицо под одеялом и поглубже закопался в самую удобную на свете подушку. Стоит ли говорить, как сильно он ненавидел ранние подъемы?

Но рука уцепилась за другой край покрывала и резко сдернула его. Желтые лучи залили всю постель и резанули глаза сквозь сомкнутые веки.

– Ты изверг, – прохрипел Кир беззлобно.

– Я ему кофе сделала, а он обзывается...

– С корицей? – Кир приоткрыл один глаз. Вика жизнерадостно улыбалась, словно и не она каждое утро затевала эту битву с его сном. Сил ей было не занимать – она всегда побеждала.

– Ага, и с мясной подливой. Вставай, засоня, мы на работу опоздаем.

Кир открыл второй глаз, изображая покорность судьбе, даже слегка привстал. А потом поймал прохладную руку и рванул на себя. От неожиданности Вика не удержалась на ногах и рухнула в теплую постель, прямо в раскрытые объятия.

Кир тут же сомкнул руки и с наслаждением зарылся лицом в пышную копну, пахшую полевыми цветами.

– Попалась, – нежно прошептал он, обнимая еще крепче.

– Уже восемь, мы опаздываем! – завопила Вика, но Кир слышал в ее голосе улыбку, да и сопротивлялась она не всерьез.

– День от нас никуда не убежит... И ты теперь тоже.

Он нашел губами ее шею, ласково коснулся легким поцелуем. Вика вздрогнула и бросила попытки вырваться. Такое утро нравилось Киру гораздо больше, такое он готов был пережить и повторять почаще. И лишь новая трель неугомонного будильника заставила их прерваться.

– У меня сегодня совещание с генеральным, помнишь? А ты всю прическу испортил, – грустным ее голос не был, и

поднималась Вика с неохотой.

– Так ты еще красивее. А совещание в двенадцать, не опоздаешь. – Кир хмыкнул и потянулся за штанами.

Пора выбираться в промозглую московскую осень, становиться Кириллом Сергеевичем, младшим офис-менеджером в фирме, принадлежавшей отцу его девушки. Положение изначально незавидное, и Кир в равной степени не любил полную форму своего имени и работу, на которой только уборщицы не смотрели на него косо. Но кредит за обучение по гейм-дизайну ему платить еще пару лет, а пристроиться на другую работу до конца курсов он не мог.

Поэтому Кир терпел и ждал. К двадцати семи годам всё, что он умел, – это ждать. Казалось, вот сейчас, еще немного, и начнется та самая жизнь, которая настоящая. Сначала универ, потом первая разочаровывающая работа, подработка курьером, попытка заняться киберспортом всерьез, теперь эти курсы и эта работа... Когда в детстве Кир представлял свою будущую жизнь, она искрила красками, наполнилась приключениями и путешествиями, а каждый новый день был незабываем – это показывали в рекламе и в любимых фильмах. Ему так тепло улыбалась мать, когда забирала со школы. Она возвращалась к нему из чудесного мира взрослых людей, наполненного событиями, и Кир мечтал когда-нибудь стать его частью.

Но однажды его мать ушла и не вернулась. Он слышал, как бабушка ругалась с ней по телефону несколько месяцев

кряду, но не вслушивался в разговоры. Он не обиделся на маму, не обиделся на отца, который бросил их еще раньше, и на бабушку, которая, как ни старалась, мрачнела с каждым днем всё больше. Кир просто начал ждать.

Это ожидание было серого цвета, как и вся жизнь вокруг. Оно пропитало его дом, его дни и даже сам воздух, которым Кир дышал. Но он умел терпеть и верить, что когда-нибудь его жизнь тоже станет настоящей.

К двадцати семи годам Кир уже догадывался, что терпел он не ради светлого, загадочного будущего, не ради приключений и путешествий или куда там еще отправилась мать, которая уже много лет даже не звонила. Что он просто терпел, а вся серость вокруг и была его «настоящей жизнью», а ожидание пропиталось запахом тлена, но он по инерции продолжал делать то, что делалось, и куда-то идти, периодически что-то менять. Старую, детскую веру не так легко убить даже взрослым цинизмом.

А пару лет назад появилась Виктория, такая яркая и искрящаяся, наполненная жизнью и светом настолько сильно, что Кир отряхнул пыль со старой мечты и принялся ждать еще усиленнее. Ждать настоящей жизни, которая вот-вот начнется с ней.

По утрам, после совместной победы над сном, они садились в ее машину, ехали в офис, где в перерывах Кир искал курсы и ловил ее улыбки. Вика не ждала, Вика планировала, и он с удовольствием соглашался на ее планы. А с премий

откладывал на первый совместный отпуск в Тае.

Поэтому и сегодня, как обычно, он сел в машину на пассажирское сиденье, плотнее закутался в пальто, которое подарила Вика, и стал ждать, когда салон прогреется. Она что-то бодро щебетала, глядя то на него, то в телефон, но Кир не слушал. Серые тучи заволокли огромное небо в считанные минуты, и дождь по стеклу стучал так громко, что заглушал все остальные звуки. Почему-то в голову закралась дурацкая мысль, что он слышит финальный отсчет, но непонятно, где его начало, а где конец. И что же он отсчитывал? Мысль не желала выходить из головы.

– Кир, ты меня слушаешь?

– Да, да. – Он с усилием переключился на ее голос. – Завтра пятница, мы идем в бар.

Она уже несколько дней повторяла это, и понять, о чем был разговор, не составило труда.

– Я позову Ксюшу с Витей, – укоризненно повторила Вика, видимо, уже не в первый раз.

– Хорошо, любимая, – легко согласился Кир. У Вики было много друзей – из университета, с прошлой работы и даже со школы. В отличие от него она была буквально магнитом для людей, таких же бодрых и вечно планирующих, как она сама.

У Кира был только один друг, Костя, с которым теперь они раз в две-три недели пили пиво в его холостяцкой квартире в подмосковных Люберцах. Раньше Кир жил рядом, и встречи случались гораздо чаще – очевидно, что теперь Ко-

стя не любил квартиру Вики на Таганке у метро и, возможно, саму Вику тоже, но никогда не говорил вслух. Костя вообще на редкость малословен, и Кир это ценил.

У него всегда был человек, с которым можно помолчать «на одной волне».

По забитой набережной они долго ехали мимо красно-серых башен Кремля, размываемых струями дождя на боковом окне, и Кир силился их посчитать, но сбивался уже на третьей. Проклятый стук молотом бил в голове. Неужели мигрень? Давно ведь не было...

Наконец они свернули у Александровского и пять минут спустя уже парковались у офиса.

– Хочешь, ты завтра поведешь? – вдруг спросила Вика.

– Я... – Кир растерялся, с трудом возвращая себя в реальность. – Да. Давай.

Вот бы завтра не было этого оглушающего дождя.

Дверь машины распахнулась, пропуская внутрь ледяной порыв ветра. Кир поймал ее за руку и притянул к себе.

– Люблю тебя, – прошептал он, снова зарываясь в пышную копну светлых волос, прячась там от осеннего холода и сводящего с ума стука.

– И я тебя, мой родной, – улыбнулась она, крепко сжав в ответ его руку.

Они вместе вышли из машины, вместе миновали стеклянные двери офиса, и только за порогом Кир выпустил ее ладонь. До самого вечера солнце больше не выглядывало.

Днем Кирилл говорил по телефону, разбирался с бумагами, куда-то ходил и что-то решал и почти не видел Вику. Навязчивый стук преследовал его повсюду: барабанил по асфальту, по стеклам, и казалось, он даже слышал, как тот бился по крыше. Прежде Кир любил дождь, особенно когда не нужно выходить на улицу и можно наслаждаться пасмурным небом из окна – прежде, но не сегодня. Он не верил в предчувствия, дурные знаки и прочую мистическую лабуду, но весь день неосознанно думал, что дождь считал именно для него. Считал минуты, которые неотвратимо заканчивались.

К обеду он так извелся, что уснул прямо за столом и пропустил все звонки Вики. Во сне дождь продолжал стучать.

«Я сегодня задержусь, тут работы навалилось», – написал он около шести.

«Дождусь тебя в машине», – тут же ответила Вика.

«Нет, езжай, я буду очень поздно. Прости».

В ответ пришел сначала грустный смайлик, потом много сердечек и обнимашек, у Вики был богатый набор на все случаи жизни. Кир подумал, как она будет грустить в квартире и дергаться от каждого скрипа соседских дверей. Он знал, почему любил Викторию – разве такую можно не любить? – но совершенно не представлял, что она нашла в нем.

Кир старался пореже искать причины и позволять себе подобные размышления, от них за версту разило деструктивным влиянием и слишком дорогим чеком от психолога. И лишь в такие вечера, когда сердце сжималось от тоски, пред-

ставляя ее одну, он думал, что Вика могла бы найти себе кого-то более успешного. Не офис-менеджера, которому приходится задерживаться на работе за гроши и который не может оплатить ремонт ее машины или свозить в Тай, не предлагая делить расходы на двоих.

Он сам ждал всю жизнь, а теперь получается, что и ее заставлял ждать — ждать, когда он сможет стать тем парнем, которого она заслуживала. Действительно ли ждала Вика или ее всё уже устраивало? Кир не знал.

Дождь закончился ровно в то мгновение, когда Кир покинул стеклянное здание офиса. Стук утих, отсчет завершился. Он вытянул вперед руки, безуспешно пытаясь поймать последние капли. Но ладони так и остались сухими, в оранжевом свете фонаря показавшиеся слишком бледными. Где-то внутри еще стучало сердце, вторя недавнему дождю.

Он медленно побрел к метро, стараясь обходить глубокие лужи, но ботинки на тонкой подошве всё равно промокли. Ноги тут же замерзли, пальцы заболели, но Кир не ускорился. Метро было совсем рядом с офисом, и он не заметил, как обогнул его стороной.

Кир не задумался, почему не спешит домой к Вике, которую так мечтал обнять еще несколько минут назад. Сам не понял, как оказался на темной набережной, вслушиваясь в тихий плеск волн внизу. Чувствовал только тоску о недавнем дожде, оплакивавшем его бесконечное ожидание так и не наступившей жизни.

Он остановился в тени, вдали от людей и уставился на реку. Вот бы снова пошел дождь.

– Прости, парень, ничего личного, – сказал тихий, грустный голос рядом.

Кир хотел обернуться и спросить, но течение заворожило его, лишило последних сил на борьбу. Шею пронзила резкая боль, а потом затихла и она, черная пелена, поглотила набережную, Москву и его самого. Последним, что он услышал, был громкий всплеск, когда его тело погрузилось в воду и пошло ко дну, но сырости Кир уже не чувствовал.

10... копать или не копать

Своих похорон Кир почти не запомнил.

Как сквозь сон он слышал срывающийся голос Вики, потом ее всхлипы. Хотел подняться и утешить, но тяжесть тысячи гор свалилась на его плечи, не давая очнуться. Были и другие голоса, звуки, когда смолк шум воды в ушах. Он лежал, почти не чувствуя себя, и реальность постоянно проваливалась во тьму, туман заволакивал разум. Вика оставалась где-то там, далеко, за завесой жизни, а он всё еще тонул.

Как ни странно, страха не было, и даже глухая боль ощущалась словно не своя. Вековые горы придавили не только его тело, но и чувства... Кир и сам не знал, как долго он пролежал в забытии, ожидая прихода вечного забвения. Хоть раз в жизни он должен был дожждаться?! Хоть раз ожидание должно завершиться успехом, даже если это ожидание собственной кончины. Хоть раз! Но забвение не снисходило до него. Киру очень не везло, когда он начинал ждать.

Однажды Кир явственно ощутил, как открыл глаза. Вокруг ничего не изменилось, тьма была непроглядной. Но следом за веками он почувствовал руки, потом ноги. Тяжесть ушла, больше ничего не давило. В этот момент, впервые в жизни, Киру надоело ждать.

– Даже помереть нормально не могу, что за человек, – яростно выругался он и вздрогнул от звука своего голоса.

Звука. Голоса.

Логика подсказывала, что мертвые не разговаривают. И либо он всё же откинулся и эта проклятая тьма теперь навсегда, либо...

Кир попытался поднять руку, но тут же уперся во что-то твердое. Кажется, дерево, обитое тканью. Вторая рука тут же повторила подвиг первой, а за ней обе ноги, чтобы сомнений не осталось: вокруг темно потому, что он заперт. В очень маленьком и тесном пространстве.

Тут же вспомнились истории о похороненных заживо, фото следов от ногтей на крышке гроба и даже легенда о Гоголе, очнувшись точно так же, в темноте. Кир распахнул рот, но подавил крик, чтобы не тратить воздух. Задержал дыхание, чтобы паника не расходилась по телу такой навязчивой горячей волной. Полминуты, минуту, две спустя...

Он всё еще не дышал и при этом не испытывал никакого дискомфорта. Легкие не жгло, а страх действительно отступал, по совершенно непонятной ему причине. Когда Кир досчитал до шестисот, но так и не захотел вдохнуть, последнее открытие этого дня с оглушающей ясностью накрыло голову.

Он все-таки умер.

Никуда не попал, рая, ада и прочей мистической чуши не существовало. Он просто лежал в своем гробу, закопанный двумя метрами сырой земли. Оставлен в тишине и безмолвии, и ждать больше нечего. Даже не так – Кир понял, насколько глупым было его ожидание при жизни, ведь он так

ничего и не дождался. Феерический мертвый идиот.

Его разобрал смех. Звук, вырвавшийся изо рта, был мало на него похож, слишком нервный, визгливый и гортанный одновременно, но остановиться Кир не мог еще долго. Потом представил, как здорово живет кладбищенским сторожам, которые по ночам слушают, как в могилах вопят, молятся и нервно ржут. А может, кричат от страха?

И Кир закричал. Сам не понял, когда истерический недохот перерос в настоящий крик, и уже не думал, надеялся ли он получить помощь или просто выплеснуть остатки живых эмоций, чтобы навсегда уснуть в толще земли и пыли.

– Не вопи как debil, сторожа разбудишь, – донеслось приглушенное ворчание сверху. – Копаю я, копаю, потерпи немного.

Кир послушно замолчал, окончательно утратив нить повествования. Идеи кончились, в голове воцарилась блаженная тишина. Только тогда он смог услышать копошение сверху – словно кто-то лопатой разгребал над ним землю.

– А почему ты меня копаешь?

– Ты там, что ль, остаться решил? – Копшение стихло. – Ну дык я пойду тогда, охота мне тут с тобой возиться, етить.

– Нет! Стой!

– Да молчи, говорю, debila кусок! Если меня кто заметит, я тебя тут на неделю кину, понял?!

– Не надо... – Кир помолчал, а потом зачем-то добавил: – Тут холодно.

На самом деле холодно ему не было, как не было и удущающей жары. Ему было попросту никак, но сказать что-то хотелось. В ответ сверху раздался глухой хохот.

– Ты больше не мерзнешь, парень. Начинай привыкать.

Кир хотел спросить, к чему привыкать, но промолчал. Дебилон он себя не считал и сложить два и два худо-бедно мог. Посреди ночи его копал из могилы какой-то мужик, тихо, чтобы не разбудить сторожа... Воздух ему нужен только для крика, а холода и жара больше нет.

– Лучше ты там всё обдумай, поистери тихонько, а вылеза́й нормальным, договор? Мне тут еще долго возиться. Надо ж, как глубоко копать стали, гады!

Незримый собеседник выругался, и стук лопаты о землю возобновился.

– Я теперь... нежить? – Он не мог подобрать слова лучше, но и это далось нелегко. Черт с ней, с рухнувшей картиной материального мира, но быть почти живым и при этом не чувствовать себя таковым... Если бы было чем, Кир бы блеванул, наплевав на запахи и грязь. В конце концов, он мог просто не вдыхать свою вонь.

– Вот за что люблю новое поколение! – одобрительно ответил «спаситель». – До вас всё быстрее доходит. Кино это ваше, книжки, игрушки. Прежде неделями втолковывать надо было, а вы всё на лету хватаете. Ты там еще будешь истерить?

– Буду, – уверенно ответил Кир. Жив он или нет, эмоции

остались человеческими, и психика уже скрипела расшатанными болтами. – Но попозже.

– Это ты правильно, уважаю. Сначала выберемся, найдем, где день переждать, а там истери сколько хочешь. До моей берлоги не успеем, придется здесь ныкаться.

– А зачем отсиживаться?..

– Дык ты труп теперь, днем им и будешь.

– Завоняю?

Сверху снова раздался хохот.

– Сгоришь на солнце, парень. Не любит оно нас.

Пауза затянулась.

– Я что... вампир? – Кир почувствовал, что приступ нового невротического смеха опять подкатывал к горлу. Ощущался он как та же тошнота.

– Вурдалак, – спокойно ответил собеседник. Так спокойно, будто погоду сообщил.

Определенно, это был самый странный разговор в его жизни. Кир лежал в полной темноте, давясь подступающей истерикой, и ждал, когда его достанут из гроба. А сверху незнакомый грубоватый мужик непонятно зачем копал его свежую могилу. Темнота перед глазами закружилась и пошла пятнами.

Вурдалак-невротик – вот кем он станет, выбравшись из-под земли.

«Дракула» Стокера, «Ван Хельсинг» с Хью Джекманом и «Сумерки» – его познания в теме были невелики. Когда-то

Костя дружил с человеком, который тащился по вселенной Маскарада¹. Он водил партии в словесные ролевки по этой системе, и пару раз Кир в них участвовал, но так и не запомнил огромный лор. Что-то про кланы, про скрытность, которую и называли Маскарадом, про сторонников Шабаша, мечтающих этот маскарад нарушить, про сиров – вампиров, которые, обратив человека, становились его хозяином. Про блад-пойнты²...

Ему придется пить кровь?!

Вряд ли он будет светиться на солнце и привлекать всех девушек в округе.

Но вместо миллиона вопросов, роящихся в голове, Кир сказал:

– Я не хочу...

– Ну а кто ж хочет? – философски заметили сверху.

– Не копай, – сказал Кир и зажмурился от собственной смелости. Сказал быстрее, чем успел осмыслить эти слова и всё, что за ними шло. Пока он лежал здесь, пока не почувствовал свежий ветер на омертвевшей коже, пока не вдохнул полной грудью свой второй шанс, – отказаться от него проще. Просто уснуть в земле, как он и должен был... И даже шум воды снова зазвучал в ушах.

¹ Речь идет о «Мире Тьмы» (англ. World of Darkness) – серии настольных ролевых игр, создавших собственную вселенную, где существование вампиров (сородичей) вплетено в историю людей со времен Каина.

² Блад-пойнты (очки крови) – единицы измерения энергии вампира в игре.

Он просто утонул.

– Э, не, братка, так не выйдет. Если не достану тебя сейчас, через несколько дней жажда накроет, сам выкопаешься, но голове хозяином уже не будешь.

Когда блад-пойнты падали до минимальных значений, у вампира наступала кровавая жажда, и он терял человечность. Хоть где-то истории не ввали.

– Добей?.. – Осиновые колья, отрубание головы и прочие фантазии тут же заполнили воображение. – Я ведь сдох всё равно.

– Я таким дерьмом не страдаю. Вылезешь – поговорим, потом сам решать будешь.

Вылезу. Подумал Кир и вздохнул, скорее по старой привычке. Отчаянная решимость отступила. Есть время, можно еще подождать.

Тишина воцарилась надолго, прерываемая лишь приближавшимся к гробу стуком лопаты. Вспомнился отсчет, который Кир слышал в свой последний день, – так вот на что он был похож. Не капли дождя, а комья земли над могилой.

– Где мы? – спросил он наконец, чтобы хоть чем-то заглушить отвратительный стук.

– Введенское. Богатенький был при жизни, да?

– Как ты меня нашел? – Кир болезненно отстранил из сознания мысль о том, кто разорился на его похороны.

– Ну, как тебе сказать, – впервые голос наверху зазвучал менее уверенно и даже слегка виновато. – Следил за тобой,

допустим. – Он еще потянул паузу. – Надо было проверить, поднимешься ты или нет. А как заорал, так ясен пень, не спишь.

– А почему я должен был подняться?

– Как тебя звать?

– Кирилл, – он сам не понял, почему вдруг сказал полное имя.

– Тут такое дело, Кирилл... Когда вурдалак тебя убивает, шанс такой всегда есть. Поэтому надобно за трупами следить. Если человек при жизни колдун какой был или еще чего. Обязанность такая, раз уж сорвался, – это как прибрать за собой – откопать бесхозного новообращенного, научить, как не жить теперь. Редко кто-то встает, но ты, видать, везучий.

– Я не колдун, – зачем-то сказал Кир.

– Ну а я не католик, – хохотнул собеседник. – Теперь, а при жизни был. И колдуном, наверно, был, только не знал об этом, пока не помер. Смерть она, знаешь, всё по своим местам расставляет. Обычно все просто помирают, и конец... Но кто-то встает. Не угадаешь заранее, что напоролся.

– Меня убил вампир?

– Вурдалак, – назидательно поправили сверху.

– А ты как узнал, где меня искать? Что это именно я встать могу? – Холодно не было, но все внутренности сковало льдом.

– Ну дык... Это я тебя... Ты уж прости, Кирилл, я не со зла, ничего личного. До одури консервы поганые надое-

ли, свежатины захотелось, сил терпеть не было. Ты сам меня поймешь скоро, не осуждай. Я ж тебя не кинул.

– Кинул. В реку.

– Помнишь, да?

– Добей, – Кир сам не узнал свой разом омертвевший голос. Он не хотел понимать.

– Ты не горячись так, парень. Поговорим...

Лопата ударилась в крышку гроба, отдавшись звоном во всем теле.

– Не вурдалак ты, а упырь поганый. И я не хочу быть тобой, – сказал совсем тихо, уже теряя последний запал. Но земля их больше не разделяла, и собеседник его услышал. Наплевать. Хотелось спать и ничего не знать.

– Упырь так упырь, – легко согласился вурдалак.

Лопата несколько раз царапнула по крышке. Мерзкие звуки отзывались во всем теле. А потом всё смолкло. Кир по-прежнему лежал без движения, в густой, омерзительной темноте своего поганого посмертия, и пытался разучиться чувствовать. Только так он мог хотя бы попытаться принять кошмар, обрушившийся на него вместе с крышкой гроба.

Незримый собеседник молчал и больше не копал. Неужели решил оставить слишком ненадежного подопечного? Вряд ли он испугался мести. Или прислушался к его глупым просьбам.

Тишина затянулась, и Кир занервничал. Запертый в одиночестве, он быстро понял всю бессмысленную браваду сво-

их громких слов. Конечно, он не хотел умирать окончательно. Конечно, он не хотел остаться здесь один. Конечно, однажды он сможет задавить свою совесть, чтобы двигаться дальше...

Но тогда ему придется однажды убить. Нет. Нет, нет, он не мог! Боже, ну что за...

– Эй! – крикнул Кир, не выдержав. – Ты еще там?!

Из последних сил он оставался на месте, а не метался по крохотному гробу, как бешеная белка, в приступе паники. Ответа сверху не было.

– Мужик, я пошутил, – тихо сказал он, чувствуя, как намокают глаза. – Вытащи меня, давай поговорим!

Что-то тяжелое упало сверху на его гроб. Мгновением позже внутрь проник опаляющий жар, и Кир едва не заорал от боли. Он вжался в дно насколько мог, зажмурился и перестал дышать. Казалось, еще немного, и он вспыхнет вместе со своей деревянной тюрьмой. Так и не выберется наружу, как и положено покойникам.

Он быстро потерял счет времени. Кир не знал, пролежал так всего несколько минут или часов, успел ли прокрутить в голове всю свою недолгую жизнь или дикий крик, так и не вырвавшийся из горла, заглушил все мысли. Он провалился в густое, тяжелое, как смерть, забытие и почти ощутил себя мертвым.

Когда жар отступил, он открыл глаза. Как ему казалось, – совершенно новые, переродившиеся глаза. В фильмах бы их

окрасили в ярко-алый цвет свежей крови, но в действительности он не знал, как выглядел. Точно ясно было лишь одно. Спасать его больше некому.

Не оставляя себе шанса на новые терзания, Кир собрался с силами и ударил рукой в крышку. При жизни он никогда не был качком, да и сильным его бы никто не назвал. Много лет назад они с Костей попробовали ходить в зал, даже купили абонемент на целый год после уговоров стройной девушки с километровыми ресницами, менеджера фитнес-клуба. Костю хватило на три раза, Кир проходил целый месяц, пока не понял, что так понравившаяся ему улыбчивая девушка-менеджер замужем за накачанным тренером, а ему такие мышцы не нарастить за всю жизнь.

Видимо, после смерти он поменялся сильнее, чем ожидал. От первого же удара крышка громко треснула, после третьего в ней появилась брешь. Кир не чувствовал, как сбил кулаки, не ощущал кровавые ссадины на ладонях – он бил и выгрызался из тюрьмы потому, что больше ему ничего не оставалось. Человек не может задушить сам себя, как и не может похоронить заживо без весомых причин. Жажда его не мучила, он никого не убивал, и слабая надежда, что так и будет дальше, всё сильнее разгоралась внутри, заставляла рваться наверх.

Он выбрался наружу безлунной осенней ночью из раскопанной могилы на Введенском кладбище. Его вторая жизнь началась в окружении серых надгробных плит, вязкого ме-

сива из полуразложившихся листьев и печальных ангелов в дождевых потеках, словно въевшихся в сам камень. Рядом лежало обгоревшее тело, едва напоминавшее человеческое. Смерд от него стоял дичайший.

Его убийца и по совместительству единственное существо, способное сейчас помочь, занял его место у могилы, а Кир выбрался. Вдали у горизонта занимался рассвет.

Из странного разговора с упырем он понял главное: если не спрятаться, то первые же лучи солнца превратят его в такой же обгоревший труп. А два обгоревших трупа на раскопанной могиле немало удивят сторожа и станут еще одной городской легендой. Ну почему он раньше в них не верил?! И теперь не мог понять, в кого же превратился...

Если бы его сердце еще гоняло кровь по телу, то сейчас бы бешено заколотилось от ужаса. Но в груди было глухо, и паниковать приходилось самостоятельно. Кир судорожно огляделся и ринулся в сторону ближайшего маленького склепа. На его каменной крыше крохотный ангел с лицом младенца сжимал крест одной рукой, второй распахивал приветливые объятия. Подумать о том, как теперь на нем скажутся кресты и распятия, времени уже не было, небо стремительно светлело. Поэтому с разбегу Кир снес дверь и ворвался в небольшое затхлое помещение. Внутри было удивительно пыльно и пусто, ни гробов, ни плит с урнами в стенах, лишь на круглом столе в самом центре стояла давно сгоревшая грязная свеча в луже окаменевшего воска. Он водрузил дверь на ме-

сто, постучав скорее для собственного успокоения, и забился в дальний угол.

Сон обрушился мгновенно, больше похожий на наркоз. Но ему было уже наплевать. Последнее, что пронеслось в голове, — мысль о Вике, которую он гнал от себя всю ночь, и мертвое сердце взвыло от боли. А потом темнота поглотила мир.

В гулком небытии Кир впервые увидел сон, который позже никак не мог вспомнить. Он оставил за собой странное, неуловимо печальное послевкусие чужой жизни, которая просто не могла существовать. Сон о мире, в котором умирали сказки...

Интро. Когда умирают сказки

Пусть в этой истории не будет моего имени. Его омоют соленые волны у берега, сотрут, как следы на песке... И тихо унесут с собой. Безмолвный ветер не разнесет его эхом по острым серым скалам. А утопающее в море алое солнце будет последним свидетелем.

Мое имя никогда не имело значения, пусть и звучало громче ночной грозы. В истории останусь лишь я сам, в робкой надежде, что мои шаги станут этими скалами.

Когда ведьма впервые пришла в нашу деревню, затерянную в северных лесах, мне не было и пяти. Отец велел спрятаться в погреб и не дышать. Он делал большие глаза и понижал тон – так же, как делал всегда во время нашей игры в оборотней и охотников. Так он в шутку пугал меня, чтобы я сидел тихо. Но в тот день я видел, как тряслись его руки, каким неподдельным ужасом наполнены его прежде спокойные глаза. В тот день я впервые увидел у взрослых страх. И понял, что наши игры были далеки от реальной жизни.

Мне не было и пяти, но я помню всё, словно это происходило вчера. И как будто я умудрился повзрослеть за один безумно солнечный, отвратительно кровавый день.

Я пошел в погреб, как и велел отец. Честно, послушание не было моей сильной стороной ни тогда, ни впоследствии.

И ведьма часто хвалила меня за это. Но в тот день я послушался, пусть и ненадолго – что-то было в словах отца, и я не хотел его расстраивать. Отогнул доски и залез в подпол, потеснив наши запасы на зиму, как делал во время игры, – и те же доски протяжно скрипнули, когда я с трудом вернул их на место.

Я сидел там, в темноте, и чувствовал, как страх пробирался под мою кожу. Волна, накрывшая взрослых, не оставила мое сердце равнодушным. Я боялся темноты, поэтому во время игры с отцом всегда оставлял себе щелочку, через которую струился теплый желтый свет. Но в тот день ее не было – крыша надо мной сомкнулась слишком плотно. Мрак обступил со всех сторон, лишая воздуха. Или мрак, или это были ее проделки, чтобы выкурить меня наружу, – ответа я так и не узнал.

Первый удар я пропустил от страха. Чувствовал только биение своего сердца и горящую огнем грудь. Думал лишь о том, что скоро вернется отец и разрешит мне покинуть погреб. И о том, что я еще долго не захочу здесь играть.

От второго удара тряхнуло весь дом. Он устоял, но на меня посыпалась земля со старых досок, и я чуть не задохнулся на самом деле. Почему я не выбрался именно тогда? Почему усидел, как сдержал себя?

И почему вылез позже, когда страх во мне сломался? Нет, я всё еще боялся темноты, долгие годы не мог избавиться от неконтролируемого ужаса – и она часто смеялась надо мной

за это. Но именно в тот день я вдруг перестал бояться. Я спокойно отодвинул доски, так медленно, будто нехотя соби-
рался на утренние работы в поле. Отряхнул грязную одежду,
оглядел наш дом, полный битой посуды, мать, забившуюся в
угол. Помню, ее заломленные руки показались мне руками
деревянной марионетки, настолько они были неживыми. И
я даже улыбнулся этому дикому сравнению.

А потом распахнул дверь и вышел на улицу. Как раз на
третий удар.

Земля под ногами подскочила, но я почему-то устоял.
Устоял, а вот дом за мной сложился как карточный. Тихо,
без криков, дохнул пылью и мелкой щепой мне в спину, но
боли не было.

В центре деревни стояла она. Даже за десятком спин я ви-
дел... нет, чувствовал ее присутствие. Ведьму окружил от-
ряд охотников – настоящих, а не тех, в кого играли мы с от-
цом. Их огромные спины укрыты черными плащами, головы
спрятаны под капюшонами. Их было десятка два, не меньше,
и все обнажили мечи, крепко сжимая их перед собой обеими
руками...

Вот только направлены они были не на ведьму, а на жи-
телей моей деревни. Они выставили их кругом перед собой,
сделав живым щитом. Беспомощным, испуганным щитом.

В основном мужчин, но были и женщины, дети чуть стар-
ше меня. Я знал их всех, я вырос с ними.

Когда я разглядел в этой толпе отца, я тоже рванул впе-

ред. Не помню, что именно меня дернуло – страх ли за отца или простое любопытство. В центре круга стояла женщина, и никто – ни крестьяне, ни охотники – не рисковал к ней приблизиться.

Взрослые что-то говорили, но я не слушал. Юркнул мышкой между их ногами, пихался и кусался, пока не прорвал преграду. Наверно, в тот момент я ощутил ее зов впервые. Неодолимая тяга приблизиться. Желание так жгло мою детскую грудь, что заставляло рваться изо всех скудных сил. Я в тот же миг забыл и слова отца, и устрашающий вид охотников, и их обнаженные мечи, – и думал только о том, как попасть к ней, как увидеть. Тогда я еще не понимал, что желание это не мое, навязанное.

Ведьмы были страшной сказкой на ночь, которую и рассказывать рисковали немногие. Мы толком ничего о них не знали. Кроме, пожалуй, одного: ведьмы – наша смерть...

Я легко прошел первый круг черных плащей, а вот прорваться сквозь толпу крестьян, которых они собрали перед собой, было гораздо сложнее. Каждый знал меня в лицо и старался уберечь.

И вот я сделал последний рывок, почувствовал порыв свежего ветра,дохнувший прямо в лицо. Застыл в центре круга, на отдалении ото всех, и увидел ее...

Тот же порыв разметал длинные черные локоны, заплывавшие, как пламя, за ее спиной. Бездонные черные глаза впились в меня, чтобы уже никогда не отпустить. Я стоял и

падал одновременно, не в силах отвернуться от самого прекрасного лица, виденного мною в жизни.

Казалось, весь мир остановился вместе со мной, чтобы падение длилось целую вечность. В тот день я не думал о том, что ведьма красива, я еще не смотрел на мир и женщин с такой стороны – сердце замирало само, не чувствуя земли под ногами. Но долгие годы это лицо являлось мне во снах. Настороженное, загнанное в угол, отчаянное в свой последний миг. И в то же время спокойное, уверенное в своей силе, властное... Нежное. У меня было много лет, чтобы сполна оценить всё то, что я увидел в это мгновение.

А потом она заговорила, и ласковый голос бурной рекой окутал меня со всех сторон.

– Отмеченный, в такой глуши? Как интересно... Подойди ко мне, малыш.

Я не сразу понял, что она говорит это мне, и смысл слов ускользнул. Но ноги сами сделали шаг, тогда кто-то удержал меня за плечо. Рванул обратно, под защиту взрослых спин, а я не отступал.

Раз за разом я вырывался к бездонным глазам, которые затягивали меня в омут, а она просто ждала.

Потом охотникам ждать надоело. Слева, из-за спины, стальной голос крикнул что-то ведьме. Ее лицо дрогнуло, на мгновение скорчившись от боли, но она осталась на месте, продолжая смотреть только на меня. В ее зрачках полыхнула гроза, и земля дрогнула снова.

А сзади донеслась команда «Шаг!». Десяток мечей взмыли в воздух и рубанули по стоящей перед ними толпе беззащитных крестьян. Дикой мукой исказилось лицо ведьмы передо мной, в черных глазах расплескалась неподдельная боль, и она еле устояла на ногах. Истошные крики почти оглушали.

Я понимал, даже в свои пять лет понимал, сколько людей сейчас окропило своей кровью землю моей деревни. Сколько людей выдохнули в последний раз и навсегда устремили невидящий взор к небесам.

Но свои глаза я не мог отвести от нее. Наверно, они тоже наполнились страхом в то время, когда ведьма уже взяла себя в руки. На безумное мгновение наши взгляды стали единственным, что осталось у нас обоих, что еще удерживало в этом мире. И ее сила, ее спокойствие после бури придало сил и мне. Жаль, оглянуться я так и не смог.

И прежде чем охотник отдал новый приказ, еще один шаг и десяток трупов, она раскинула руки в стороны и улыбнулась:

– Мир жесток, малыш, ты видишь это? Не забывай меня.

И она закрыла глаза. В следующее мгновение кто-то рванул меня в сторону, выжившие крестьяне расступились, и клинок, блестящий на солнце, пронесся мимо меня. Пронесся и впился в ее живот.

По всей округе разлился терпкий аромат незнакомых мне цветов, будто запах заменил ей кровь. Он бередил ноздри.

Ведьма рухнула на колени, все резко замолчали. В оглушающей тишине я услышал лишь свой безумный крик.

Дальше всё расплывается. Помню приказ «Добейте щенка», помню теплые руки отца, выдергивающие меня из толпы. Помню, как бежал. Должно быть, я чудом вырвался из деревни и долго шел лесными тропами. Падал в мох от каждого шороха, петлял, путая следы...

Нет, я помню только бесконечный лес, сомкнувшийся за моей спиной. Я провел в нем никак не меньше трех ночей, в полном одиночестве, разбитый хаосом в собственной голове и ужасом от случившегося. Я не ел и не спал и к концу слабо представлял, кто я сам таков.

Но ведьму я не забывал, как она и велела.

На какой-то день блужданий я просто упал на колени и начал молиться. Я забыл всех богов, которым учил меня отец, забыл и того, единого, которому поклонялись в маленьком храме нашей деревни. Меня сильно знобило, и холодные струи пота уже давно вымочили грязную рубаху и тонкие штаны. Стояло позднее лето, всё еще светило солнце, а я трясся как на холодном ветру зимой. Помню, как я истово мечтал выжить — тогда, сейчас, всегда.

И я молил Хозяина леса спасти меня. До сих пор не знаю, где я взял это имя — ни отец, ни мать, ни старухи в деревне никогда не говорили о нем, хотя лес обступал наш дом со всех сторон. Молил долго, обливаясь слезами, и обещал всё, что приходило в голову. Только души не предлагал, сказки

говорили, что так поступать нельзя. Потом она очень хвалила меня за то, что душа моя осталась свободной. Хвалила, когда забирала ее себе.

От слез силы окончательно покинули меня, и я провалился в глубокий сон прямо там, потерянный в лесу среди вековых сосен. И мне снилось, как деревья расступались и солнечный свет согревал мое ослабшее тело. Как теплый мох окутывал со всех сторон, забирая мой жар, как лесные травы прорастали сквозь него прямо рядом со мной, чтобы вылечить недуг. А потом огромное существо, обросшее этим лесом, пришло по несуществующей тропе и склонилось надо мной. Его глаза были самой землей, а руки – ветвями сосен. По его деревянному телу скакали белки, в ногах жили лисы, а на макушке вили гнезда стаи птиц.

Он долго смотрел на меня, и я чувствовал мощь всех деревьев мира, склоненную над собой. Чувствовал нескончаемый круговорот смерти и возрождения, ощущал саму вечность.

Когда я проснулся, то снова был один. Сквозь листву пробивались первые лучи рассвета, но холода я не чувствовал. Как не чувствовал и озноба, прежнего бессилия и страха. Будто кто-то незримый и вечный стоял на защите за моей спиной.

А потом лучи упали на тропу, которой, я точно знаю, вчера еще не было. Через несколько часов по ней я выбрался к деревне.

К деревне, где больше не было моего дома. И где в случившемся винули только меня... Ведьма мертва, а обвинять охотников, убивших в то утро пятнадцать человек, у них не доставало сил. Но козел отпущения нужен людям во все времена, и им оказался я.

9... Это кожа убийцы, Костя

В третий раз запищал вскипевший чайник, но Вика не сдвинулась с места. Через десять минут он остынет, а она опять вспомнит про чай и опять его запустит. Потратить целый вечер на несчастную чашку чая уже не казалось чем-то необычным, а поужинать стало невыполнимой задачей.

С уходом Кира между ней и окружающим миром выросла до самых небес пелена забвения, и прорваться через нее не получалось. Хотя, стоит быть честной, Вика даже не пыталась. Всё вокруг стало серым, потеряло смысл, и плана на завтрашний день больше не было. Быть может, это она легла в холодную землю и остывшее сердце перестало биться после похорон?

В тот день ее не отпускало ощущение, что Кир пытался подняться ей навстречу. Что он всё слышал, просто не мог ответить. Воображение разыгралось так сильно, что Вике почудилось, будто дрогнули его веки.

Нет, всё это безумие. Первая стадия проживания горя – отрицание.

Она отрицала, но земля не двинется вспять от ее боли, ледяные воды реки не вернут ей любимого. Надо просто сделать чай. Маленький шаг и титаническое усилие.

Вика снова запустила остывший чайник.

В дверь позвонили. Молчаливое небытие пустой кухни

разбилось с оглушительным дребезгом упавшей на пол чашки. Вика долго смотрела на осколки, прежде чем пойти к двери. Ей было совершенно наплевать, кто по ту сторону тонкой преграды, — она впустит человека в квартиру, но всё равно останется здесь одна.

— Родная, ты совсем раскисла. — Катя мучительно свела брови, шагая через порог. Вика просто кивнула в ответ.

Приняла пальто подруги, аккуратно повесила на плечики в шкафу и даже попыталась выдавить приветливую улыбку. Тот же набор действий, который она совершала всю сознательную жизнь, уже не казался своим. Руки, вешавшие пальто, были чужими, улыбка так и не приклеилась. Словно она пыталась казаться тем, кем больше не являлась. Пелена смыла не только мир, но и саму Вику.

— Хочешь, посмотрим что-нибудь вместе? — участливо спросила Катя.

Вика не хотела разговаривать и просто кивнула. Речь казалась слишком громкой, слишком лишней в ее тихой гавани безвременья.

Безвременье... Так вот что это. Все часы внутри остановились со смертью Кира, и порой Вику очень удивляло, что часы на руках всё еще тикали. Это казалось таким неправильным, таким...

— Давай «Чарли и шоколадную фабрику»? Депп — такой милашка. — Катя старалась говорить спокойно и миролюбиво, когда раскладывала на столе в гостиную мандарины и ви-

ноград, которые принесла в прозрачном пакете. По которому до сих пор стекали капли дождя, заливавшего окно весь день, и они привлекали внимание Вики гораздо сильнее, чем предложение подружки. В итоге она снова кивнула и села рядом, так и не отведя взгляда от капель.

Кажется, Катя выбрала стратегией делать вид, что всё в порядке. Рано или поздно жизнь должна снова «затикать», и таким незамысловатым образом она помогала подружке не потонуть в своем горе, чтобы однажды влиться в привычный поток. Вика понимала, честно, она всё это понимала. Пройдут все стадии принятия горя, невыносимая боль станет привычным дополнением к утреннему кофе, и она научится жить дальше – так считали все окружающие. Время лечит, постоянно повторяли они, словно пытаясь банальной фразой ускорить это самое время.

Но они так и не поняли, что для Вики оно замерло. Даже отец, никогда прежде не игнорировавший важных событий в жизни дочери, растерялся. Он сжимал ее плечо на похоронах, но так и не придумал, как смотреть в безжизненные глаза никогда не унывающей Виктории.

Она не была женой, так и не стала невестой. Отношения с Кириллом даже не самые длительные в ее жизни, всего-то пару лет. И когда всё закончилось, когда земля упала на крышку гроба, никто так и не понял, насколько важная часть ее легла рядом.

Катя протянула дольку очищенного мандарина, и Вика по

инерции взяла его в руку, но так и не поднесла ко рту. Подруга продолжала что-то говорить, пока шли вступительные титры, – она делала так всегда, стоило им сесть за очередной фильм. Прежде Вика отвечала, раздражалась, если фильм был ей интересен. Прежде Вика реагировала, и Катя явно ждала этого.

Но сложные слова, чужие эмоции просто не долетали к ней за пелену остановившихся часов. Только простые команды: ешь мандарин, садись на диван, смотри в яркий экран. И Вика с трудом отрывала взгляд от капель, которые стекли на ее журнальный столик и собрались в крохотную лужицу ее непролитых слез.

Вилли Вонка вел детей по своей фабрике, яркой, живой, нереальной. Ненастоящей. Всё, что яркими образами пыталось броситься ей в глаза, – ненастоящее. И преувеличенная радость, и гигантские сладости, и гипотетическое счастье, которое она должна однажды обрести, по мнению всех сочувствующих.

Катя перехватила ее кисть со сжатой долькой. Сок уже стекал по руке и грозил капнуть на кофту.

– Всё хорошо. Вик, всё будет хорошо. – Она прервала свою возбужденную тираду о скандале вокруг развода Дедпа, чтобы впервые попробовать заглянуть за пелену чужих страданий, и увиденное ей очень не понравилось.

– Конечно, – равнодушно ответила Вика чужим голосом. Опять попыталась натянуть улыбку, чтобы та стала загради-

тельным барьером к ее душе.

– Не быстро, но когда-нибудь, – продолжила Катя, неосознанно принимая эту лицемерную игру. – Дай себе время, а пока просто поешь, ладно?

И Вика послушно проглотила еще несколько долек, вытерев ладони о протянутую салфетку. Потом досмотрела фильм, с четвертой попытки заварила чай, но выпила уже остывшим. Выдала еще несколько пустых улыбок Катиным рассуждениям о желтой прессе. Захлопнула дверь, когда подруга ушла.

И битый час собирала руками капли, растекшиеся по всему столу.

* * *

Очнулся Кир так же резко, как и заснул. Глаза распахнулись сами, тело было полно сил и энергии, и только в горле начало неприятно саднить. Новое чувство не было похоже на голод – казалось, горло и весь пищеварительный тракт сжимались, покрываясь наждачкой. Но пока это было терпимо.

Он не видел, но точно чувствовал, что минуту назад солнце закатилось за горизонт, а сумерки сгущались. К счастью, за день его укрытие никто не отыскал. Кто бы ни сжег его убийцу, к Киру у него претензий пока не было.

Во мраке склепа Кир оглядел свои руки – они выглядели так же, как и в первые двадцать семь лет его жизни. Навер-

но, перед смертью его неплохо отмыли и подготовили, а вчерашние ссадины затянулись без следа.

«Сила, регенерация», – равнодушно отметил он про себя. Не нужно дышать, но уши давит непривычная тишина. На самом деле, мы всегда слышим стук своего сердца, просто мозг умеет его не замечать. Как, оказывается, без него пусто и одиноко. Кир подумал, что отдал бы всё на свете, чтобы услышать свое сердце вновь.

Он поднялся на ноги, отметив, что они совсем не затекли от сна в таком неудобном положении. Снова взглянул на оплавившуюся свечу и вдруг поднял руку, чтобы перекреститься. Проверять – так всё сразу. Зажмурился в ожидании боли, но она так и не пришла. Религия не работает, а вурдалаки существуют – ну кто бы мог подумать! Упыри, которых считают детской выдумкой, ходят по земле, а Бог, в которого верят миллиарды... Кир нервно усмехнулся.

Сам он был закоренелым атеистом-материалистом, но вот Вика на Рождество ходила ставить свечки...

Вика.

Кир едва не рухнул назад на пыльный пол.

Вика осталась одна, а он...

Следующим порывом было немедленно бежать к ней. Обнять, утешить, защитить. Ведь он же остался жив, он тут, всего в каких-то нескольких станциях от ее дома, а она так безутешно плакала, когда его гроб опускали в землю. И сейчас она совсем одна в мире, где гораздо опаснее, чем каза-

лось прежде. В мире, где посреди Москвы тебя может убить вурдалак, флегматично добавив: «Ничего личного, просто консервы надоели». И ведь она даже не подозревала!

Не подозревала, что Кир и сам теперь один из ночных тварей.

Нет, он не мог поехать к Вике.

Кир так и стоял посреди пыльного, заброшенного склепа и чувствовал, что вскоре сам станет таким же. По крыше забарабанил дождь. Он больше ничего не отсчитывал, не заставлял ждать и бояться – худшее уже случилось. А если ему так и остаться здесь? Раз не хватало духу выйти и лечь под солнце, можно забаррикадировать дверь, заварить ее, в конце концов, и провести последние дни своей не-жизни в пыли и забвении.

На долю секунды эта мысль стала упоительной, по телу разлилось спокойствие, какого он не испытывал никогда прежде, и решение показалось таким правильным. Он победит зло, как его учили с самого детства, впервые у него в руках такая блестящая возможность! Пусть даже зло крылось внутри него самого, монстров нужно убивать. Он будет героем в свои последние дни, пусть даже об этом никто не узнает. Настоящий подвиг совершается не ради признания.

Кир почти утвердился в своем решении, когда вены обожгла боль. Она была такой внезапной и поглощающей, что он вскрикнул и рухнул на пол. Разряд в двести вольт прокатился по телу, свел судорогой каждую клетку, скорчил его в

агонии, которую Кир не испытывал, даже умирая.

Боль прошла по венам, собралась тугим комом в желудке и отступила так же резко, как и началась. Отголосок приближающегося голода заявил свои права, и Кир мгновенно сдался. Он никогда не умел выносить боль, предпочитал пассивать и искать иные пути – ну какой из него герой!

В теории мы все молодцы, зарубим Кощея, спасем Василису и что там еще надо было делать с уткой и яйцами? Отрубим голову вурдалаку или просто запрем его в склепе без еды, переждем несколько дней мучений, и дело готово. В теории нет реальных препятствий, одни патетичные умозаключения о силе «добра» и собственной воли. В реальности чаще всего победителями выходят боль и страх, ломающие героические идеалы из детских сказок. Мы же главные герои своей единственной и неповторимой истории, которую так не хочется заканчивать, глядя на унылое пустое кладбище.

Кир сдался и пока старался не думать о том, как долго он будет себя за это корить.

Пора выбираться и искать тот самый иной путь. Можно жить, никого не трогая, на «консервах» – так сказал его убийца. Можно существовать и попытаться найти другой способ победить монстра, выбравшегося из его могилы прошлой ночью. Кир поднялся, отряхнулся и впервые рассмотрел свою одежду.

Хоронили его в лучшем, иначе и не скажешь. Черный элегантный костюм-двойка не помялся даже после ночи в пыль-

ном склепе. Как же идиотски, должно быть, он сейчас выглядел! Свеженький упырь на кладбище в костюме от Армани. Идеально для местечкового хоррора.

Кир толкнул дверь склепа и вышел под дождь. Холода не было, как и говорил убийца, имени которого он так и не узнал. Не было и следов его раскопанной могилы, обгоревших останков второго вурдалака. Должно быть, сторож решил, что ночью приходили полоумные поклонники «Сверхъестественного», и просто убрал за ними мусор и труп, тихо матерясь, чтобы никто не услышал. Возможно, в могиле теперь лежит его убийца. Кир бы пошутил про карму, будь ситуация чуть попроще. А так – ничего личного.

Он сбросил вазу с еще свежими цветами с надгробной плиты. Цветы разложил по соседним могилам, а саму вазу треснул о мокрый камень. Недолго постоял, глядя на это отвратительное зрелище мелкого вандализма у собственного последнего порога, потом быстро прикопал осколки. Вика придет сюда, и он не хотел ее расстроить.

А потом он просто пошел к ближайшей станции электричек. Осенью рано темнело, и это впервые было ему на руку.

* * *

На домофоне Кир, не задумываясь, набрал знакомую квартиру. Он вообще на редкость мало думал по дороге.

– Кто? – раздался недовольный голос из домофона.

– Почта, – хрипло ответил Кир. Не стоило на весь подъезд заявлять о своем втором пришествии. – Войду?

Он спросил на всякий случай, вспоминая еще одну легенду о вампирах, которые не могут войти без приглашения. Каким бы кретином он был, замерев у распахнутой двери подъезда.

– Входи, – равнодушно бросил собеседник.

Дверь пронзительно заверещала, пропуская его внутрь.

То, что в подъезде опять перегорели лампы, Кир заметил не сразу. Он прекрасно видел, даже лучше, чем месяц назад, когда приходил сюда в прошлый раз. «Ага, значит, в легендах есть еще одно здоровое зерно», – подумал он, уже поднявшись на стареньком лифте на девятый этаж. В темноте он видел, как при дневном свете.

Кислая замена настоящему солнцу и дневным прогулкам, которых он лишился навсегда, но хоть что-то. Спотыкаться по ночам не будет.

По привычке Кир схватился за ручку двери и безрезультатно подергал. Конечно, ему никто не открыл. Потом он долго искал рядом с дверью звонок, которым никогда не пользовался. Постарался не нервничать, когда в квартире раздалась пронзительная трель, а за ней послышались шаркающие шаги и тихие ругательства – слух после недолгого отдыха в могиле тоже обострился. А если бы сердце умело стучать, то выдало бы сейчас трель под стать звонку.

Выругавшись в последний раз, Костя открыл дверь, даже

не спросив классическое «кто». Открыл да так и замер.

– Войду? – снова уточнил Кир, на всякий случай.

Старый друг едва уловимо кивнул и подвинулся, освобождая проход. Его лицо застыло каменным изваянием, и даже сердитая морщинка между бровей неуловимо сгладилась.

Тут стоит добавить несколько слов о самом Косте. Кир знаком с ним еще со школы, и бурное выражение эмоций никогда не было сильной стороной Кости. Почти весь доступный ему спектр начинался и заканчивался на тихом ворчании, а степень вовлеченности можно оценить только по количеству нецензурной лексики, которой сквозь зубы была приправлена скудная речь. Живую мимику на лице друга Кир видел лишь дважды: в десятом классе, наутро после первой пьянки и первого сокрушительного похмелья, и в тот день, когда Кир переехал к Вике.

При этом лицо Кости никогда прежде не казалось ему каменным. Он был просто удивительным парнем, жившим в собственной уникальной нирване – где-то между полным дзенем понявшего жизнь человека и светлой грустью разочарованного старца. В целом он был хорошим слушателем и прекрасным другом. Был, когда сам Кир был жив.

Теперь Костя стоял без движений и молча силился вернуть привычную морщину между бровей, но лицо явно не подчинялось ему. Кир аккуратно шагнул внутрь, прикрыл за собой дверь и разулся. Что сказать о своем возвращении, он не придумал, – но Костя и так никогда не требовал от него

длинных объяснений и задушевных посиделок с вискарем на кухне.

– Выпить есть? – Был немалый шанс, что его преображенный организм отринет алкоголь, но попробовать стоило.

– Пиво, – Костя с видимым усилием раскрыл губы.

– Пойдет. – Кир по привычке хлопнул друга по плечу и слабо улыбнулся. Но тут же убрал руку.

Он сам достал две холодные бутылки из холодильника на кухне и прошел в единственную комнату. Когда он уселся в любимое гостевое кресло, Костя тоже осторожно зашел. Кир протянул ему бутылку.

Целую минуту Костя смотрел на пиво, как на инопланетного гостя, вышедшего из портала посреди его квартиры. Потом всё же взял и на деревянных ногах прошел до компьютерного кресла, с которого обычно почти не вставал. Садился он тоже как-то неуверенно, но вопросов не задавал. Они синхронно вскрыли бутылки и молча выпили. Обычно тусклый свет Костиной квартиры сегодня казался чересчур ярким, но глаза быстро привыкали. Кир и не замечал раньше, какой же здесь бардак. Истинное холостяцкое убежище классического айтишника-интроверта.

– Был на твоих похоронах, – тихо сказал Костя, полбутылки молчания спустя.

– И как прошло?

– Печально.

Кир кивнул и опустил глаза. Что тут еще скажешь...

– Кирилл... – Костя тут же осекся. Кир успел почти осушить свою бутылку, отметить, что алкоголь всё еще ложится в желудок с желанной прохладой, но прошлого приятного звона в голове не вызывает. Может, надо просто больше выпить? Или накидаться до поросычьего визга. Он поднялся за добавкой, когда Костя наконец собрался с мыслями. – Ты все-таки живой?

Непонятно, где Кир нашел в себе силы посмотреть на друга прямо и отрицательно покачать головой. И тут же вышел на кухню.

Возвращался он снова с двумя бутылками, но Костину предусмотрительно поставил на журнальный стол, примостившийся у дивана, на котором валялось смятое постельное белье. В руки отдавать не рискнул, как и смотреть на друга. Было что-то очень неловкое и неверное во всей этой сцене. Ни тебе бурных воплей и признаний, ни «теперь у меня кожа убийцы, Костя», ни припасенных осиновых колов в духе «мой друг умер, а ты, тварь, сдохни».

Костя так и сидел молчаливым изваянием в своем любимом кресле, сам Кир пил пиво напротив, и это больше походило на обычную жизнь, чем на его «проклятое посмертие». Ни в одном фильме, который он смотрел, ночные монстры не пили пиво со старыми друзьями.

Зато рухнувший прошлой ночью мир потихоньку обретал свои размытые границы. В этой затхлой квартире, такой беспорядочной и мрачной, но невообразимо уютной, он впер-

вые после смерти почувствовал себя самого. Даже ощутил, что похоронный пиджак жал в подмышках, а рубашка неприятно терлась по телу.

– Кость, можно я у тебя шмоток одолжу? Разгуливаю по городу как клоун.

– В шкафу, – он махнул рукой в сторону старого советского гиганта до потолка, подпирающего угол комнаты.

Кир порылся в ворохе вещей, выцепил черную толстовку с капюшоном, джинсы на пару размеров больше, чем носил он сам, и пояс, которым хозяин уже давно не пользовался. Оглядываться на друга не стал, переделся на месте, а свой похоронный костюм свернул в кулек и упихнул в мусорку. Когда он снова обернулся, Костя уже откинулся на спинку кресла. Менее напряженным его лицо не стало, но хотя бы позу сменил на привычную.

– Трупных пятен нет, – заметил друг чуть потеплевшим голосом.

– А на какой день они появляются?

– Черт его знает.

Только трупных пятен ему не хватало для полного счастья в бытность кровопийцей!

Они вскрыли по второй бутылке. Костя по-прежнему не сводил с Кира глаз, и казалось, будто и не моргал вовсе.

– Кир, ты за мной пришел? – тихо спросил друг. Судя по всему, он долго собирался с силами для этого вопроса. Кир поперхнулся новым глотком.

– Не за тобой, а к тебе. Пива попить.

– А... – Костя задумчиво почесал заросший щетиной подбородок. Морщина вернулась на положенное место, и он наконец-то сдуслся, целиком осел в кресле и выдохнул. – Скучно лежать было?

– Тесно и погано, – честно ответил Кир и вдруг признался: – Мне идти больше некуда, Кость...

– А. Ну. Это... Что в таких случаях говорить-то надо? Тебе святой водички достать?

– Я уже крестился, не помогло.

– Да, тяжелый случай, – кивнул друг. – И кто ты теперь?

– Говорят, вурдалак. – Кир вздохнул. Второе признание далось чуть легче первого, несмотря на весь абсурд ситуации. К счастью, вопить от ужаса никто не начал.

– Вурдалаков Пушкин придумал, – неожиданно усмехнулся Костя. Кир повторно поперхнулся пивом. Вот это новости! Он теперь ненастоящий?

– Пушкин?

– Александр Сергеевич. Не было такого в наших сказках.

– А кто был?

– Упыри.

– Вампир как-то приятнее звучит. А упырь – это тот гад, который меня убил.

– Не всё ли равно? Кир, ты давай уже, рассказывай, раз пришел.

И Кир рассказал, всё с момента, как по крыше застучал

дождь, отсчитывая последние часы его жизни, до сгоревшего упыря и пыльного склепа. Костя слушал не перебивая, как в старые добрые, потом они опять молчали.

– Чувак, оставайся, если хочешь, только мной не закусывай, лады? Найдем мы тебе консервов.

Кир благодарно кивнул, стараясь вложить в улыбку всю любовь, заполнившую его целиком. Где бы еще в мире мог найтись человек, так спокойно принявший друга, вернувшегося с кладбища погостить? Все-таки Костя – удивительный человек.

– Кладовка тебе подойдет? Могу кушетку отдать, свет туда не достает.

– Костя, ты лучший мужик на свете.

– И тебе пришлось помереть, чтобы это признать. – Кир рассмеялся, глядя, как в глазах друга окончательно исчезал страх. Он не знал, к добру это или нет, но так хотелось себе снова доверять. – У всех скелеты в шкафу, а у меня будет упырь в кладовке.

– Ты всегда был большим оригиналом.

Кир сходил за добавкой и не стал спрашивать, почему весь холодильник забит выпивкой, под глазами темные круги, а щетине на щеках уже неделя. Он сам бы выглядел не лучше.

К третьей бутылке алкоголь наконец начал действовать. Обычный Кир бы глупо хихикал и в сотый раз предлагал скачать Косте Тиндер, новый Кир-упырь перебрался на диван и вытянул ноги поверх одеяла. Когда еще доведется на чело-

веческой кровати полежать?

– «Дракулу» посмотрим? Хотелось бы знать, чего мне ожидать. – В синеватом свете монитора Костя был похож на классического вампира гораздо сильнее, чем сам Кир.

– По стенам бегать не буду, толпу убийственных невест не притащу! – Он шутливо поднял руки вверх.

– А как же «лев влюбился в овечку»?

– Я всё ждал, когда пойдут «сумеречные» цитаты... – Кир вернул поднятые руки на лицо, но не смог сдержать смеха. Человечество так долго мечтало о вампирах, что шуток накопилось на десяток лет вперед.

– Стараюсь не цитировать «Ван Хельсинга», вдруг ты обидчивый стал.

– Пока осиновым колом не тыкнешь – не узнаем, – продолжил смеяться Кир.

– А что ты еще проверял? – заинтересовался Костя. – Можешь в дом без приглашения входить? Отражаешься в зеркалах? Контролируешь разум? Бегаешь быстро, что с выносливостью?

– Эй, стоп, стоп! Я пока не очень свыкся с фактом смерти, а ты уже... – начал Кир и резко закрыл рот. Вены снова обожгло, а во рту появилось что-то лишнее и очень неудобное: он ощутил, как зубы становятся длиннее и десны слегка расходятся, выпуская их наружу.

Наверно, ужас отразился на его лице, потому что Костя снова напрягся. Шутки шутками, но он впустил в дом вур-

далака, и никто из них еще не был способен оценить последствия. Не всё можно сгладить юмором. А жажда...

Кир смотрел на лицо друга и чувствовал, как тугой ком в желудке расслаблялся, боль уходила, а новенькие клыки вытягивались обратно. Монстр отступал, но вряд ли надолго.

– Кость, мне бы покушать, – прошептал Кир, стараясь неловкой улыбкой сгладить вернувшуюся тишину. К его удивлению, друг не шелохнулся и никак не выразил страха. Только морщинка между бровей опять разгладилась, да кожа в тусклом свете показалась чуть бледнее. – Где люди достают кровь в пакетах?

– Люди?

– Ну, для хозяйственных нужд.

– Для упырей из кладовки? – он снова усмехнулся, и Кира окончательно отпустило. А Костя повернулся к компу, без опаски подставив и спину, и шею. – Чего только не найдешь в интернете... Сейчас, сейчас.

Есть люди, которые от страха замирают и начинают дурить так, словно кровь больше не поступает им в головы. Странный механизм эволюции или глупое последствие цивилизованности. «Или легкий корм для голодных хищников», – как теперь подумал Кир. Но есть и те, кто собирается и начинает действовать быстро, хладнокровно. Кто может отпустить по дороге успокаивающую шуточку, повернуться к опасности спиной, не смотреть на взрыв, а работать с последствиями.

Когда он шел к Косте, то даже не представлял, какие стальные яйца прячутся в молчаливом айтишнике. Пожалуй, он сам бы уже отбивался хлипкой табуреткой.

– Нашел, – удивленно сказал Костя всего несколько минут спустя. До завтра дотерпишь?

– Дотерплю, – неуверенно ответил Кир. Из разговора с единственным упырем, которого он видел, Кир утаил только один факт: про «кровавую жажду» лучше не рассказывать человеку, если ищешь в его доме убежища.

– Ну и хорошо, – расслабленно кивнул Костя, поверив. – Завтра ночью сходим к ней, прикупим твоих консервов.

– Спасибо. – Кир улыбнулся. Предположим, что у него есть время. Предположим, что это не дикая волна стыда за свою трусость сковала нутро. Предположим, что он остался тем хорошим человеком, которым был при жизни. Ведь он не способен съесть единственного друга, готового ему помочь? – А твоя кладовка закрывается снаружи?

– Да? – Костя ответил утвердительно, но прозвучало как невысказанный вопрос.

– На всякий случай.

Доверие – прекрасная штука, а замок – просто хорошее к ней дополнение. Но этого Кир уже не сказал вслух, лишь понадеялся, что Костя поймет его без слов.

Остаток ночи они смотрели ситкомы. Рассказывать о себе Киру было нечего, он и сам не разобрался с новой нежизнью, а фильм про Дракулу не зашел с первых же крова-

вых кадров. Вены вновь сжались, о клыки он порезал щеку, и друзья решили не рисковать.

Перед самым рассветом, по дороге в кладовку, Кир попробовал глянуть в зеркало. Оттуда на него посмотрела собственная обескровленная физиономия, которая очень ему не понравилась. Тени под глазами были густо-черными, передняя губа слегка топорщилась от вновь удлинившихся зубов, которые больше не желали прятаться. Ни дать ни взять упырь из страшных сказок – в эту секунду Кир впервые задумался, насколько плохой стала идея идти к Косте.

Надо было запереться в склепе, окопать выход. Что, если он действительно проснулся монстром и никакой здравый рассудок уже не поможет? Что, если все принципы и мораль улетят в преисподнюю, когда жажда окончательно проснется?

– Кость, запри получше, ладно? – виновато прошептал он, забиваясь во мрак маленького помещения.

– Ты же спать будешь, – удивился друг.

Сначала Кир закрыл дверь, потом дождался звука запирающегося замка, и уже из полной темноты, скрывшей его ото всех глаз мира, сказал:

– Я не знаю, кто проснется следующим вечером.

Костя долго молчал под дверью.

– Ты уже проснулся нормальным, – наконец уверенно выдал он. – Просто... держи зубы в руках, лады?

Кир провалился в мертвецкое небытие в ту же секунду,

как над горизонтом показалось солнце. А странный, чужой сон продолжился.

Интро. Когда умирают сказки

Моя мать чудом выжила после обвала, и, как только она смогла сама ходить, мы покинули места, где я родился. Собрали то немногое, что уцелело после буйства колдовства, и двинулись в путь под покровом ночи, чтобы никто и следов найти не смог. К тому времени отец уже в полную силу боялся, что меня попросту убьют спящим.

Мы много дней шли по лесу до остальных деревень, и всё это время меня не отпускало чувство, что кто-то следовал по пятам. Кто-то, кого мне не стоило бояться, и это было приятно. А пару недель спустя мы нашли новый дом и осели там, но уже вдаль от лесов.

Отец открыл новую кузницу, а мы с матерью вернулись в поля. Вскоре я бы мог сказать, что жизнь потекла привычным чередом и сменились только пейзажи вокруг, ведь сознание ребенка такое гибкое, так легко подстраивается. Мог бы, но ведьму я не забывал ни на мгновение. Тогда я еще не знал, зачем она просила ее помнить, но исполнял последнюю волю, потому что не мог иначе. Бездонные черные глаза на прекрасном лице не шли из моей головы.

Я не понимал, что был ее последней ниткой в мире живых. Якорем, который не давал исчезнуть безвозвратно. Старики иногда говорят, что наши мертвые живы, пока мы помним о них... Что ж, в их словах есть доля истины, пожалуй. Память

о мертвых чуть не убила меня в родной деревне, и я еще не знал, что именно она же определит всю мою жизнь.

В новом месте мы продержались недолго – год или два. С дальних деревень сначала пришли слухи, а потом и противный душок гнили поселился в воздухе так цепко, что от него невозможно было спрятаться. Мор.

И гнилой запах снова мешался с терпким, цветочным. Много позже я узнал, что эти цветы звались розами. А тогда я думал, что сама земля скорбела и мстила за ведьму.

Мы опять бежали, как и многие другие. Люди незнакомого мне короля сжигали целые деревни, не разбирая больных и здоровых, но мор было не остановить. Он был живуч и невесом, а вот мы – нет.

Мы останавливались то в одной деревне, то в другой, пока не кончились наши запасы. Нужно было работать, а сделать это мы могли, только осев. Вокруг голодали многие, поля давали мало урожая, но здоровых рук постоянно не хватало. В последней деревне, которую я запомнил, с нами в поле вышел даже отец.

А еще полгода спустя смерть догнала мою мать. Она ушла быстро, буквально истаяла на глазах. Отец был безутешен и не отходил от ее постели до самого конца. Он очень любил ее – настолько, что когда-то не заставил ее рожать других детей, видя, как она с трудом выносила меня. Наверно, я тоже любил? Сейчас она почти стерлась из памяти, оставив там всего несколько картин, пару улыбок и искаженное страхом лицо

в день, когда явилась ведьма. Я плакал, когда мать умерла, но горя своего не запомнил.

Мы выжили в тот раз, и даже вездесущие палачи проклятой короны, сжегшие тело моей матери, не тронули нас. И тогда мы отправились в город, под защиту каменных стен. Говорили, что там есть еда и работа... Но отец не выдержал дороги. Ему становилось всё хуже и хуже с каждым днем, будто он терял не свое тело, а саму искру жизни, что так ярко сияла в нем прежде. Я думаю, не мор скосил его, а тоска.

Мне было десять лет, когда я в одиночестве постучал в высокие, плотно запертые ворота города. При себе у меня была краюха хлеба, сворованная у какого-то обоза на дороге, да старый, проржавевший меч, оставшийся от отца. Но рубил он всё еще отменно, пару раз в дороге мне пришлось это проверить, и в ржавчине проглядывались бурые пятна крови.

Мои руки огрубели от долгой работы, под глазами залегли глубокие тени. Думаю, я не выглядел на десять лет в тот день. И уж точно не чувствовал себя таковым.

По высоким черным башням, которые возвышались за серыми стенами, я еще издали понял, куда пришел. Это был один из городов, где стояла Академия проклятых охотников. Здесь готовили убийц, растерзавших в клочья мою жизнь. Здесь учились те, кто убил ее...

Я хотел жить, но в тот момент меня захватила злость. За всё, что мне довелось пережить после того проклятого

дня, за родителей, за мор, уж не знаю, как я привязал к этому охотников. И за нее, конечно. После нескольких месяцев в одиночестве я уже мнил себя бывалым воином на тракте, и какая-то жалкая горстка трусливых мужиков мне была нипочем. Именно трусливых, раз они прикрывались от одной-единственной девушки жителями деревни. Я бы и на деревню злился, на всех, кто играл со мной маленьким, кто угощал сладостями и рассказывал сказки. Но они давно гнили в могилах. Холодная земля забрала всех, кого я знал...

В город меня пустили без проблем, несмотря на гулявшую по округе болезнь. Ее очаги уже затухали, и люди умирали всё реже. Да и стража, я уверен, просто пожалела сироту. Мне не нужно было делать грустное лицо или врать – таких, как я, было слишком много в те времена. И обычно они не выживали.

Миновав стены, я прикрыл нос платком от дикой вони. Много позже я узнал, что все города воняли именно так, и привык. Запах не был похож на гниль и розы, преследовавшие меня всю дорогу, и это немного успокаивало. Город вонял людьми, но живыми.

Я направился сразу к башням. На узких улочках еще не сновали люди, отвыкшие покидать дом лишний раз из-за болезни, поэтому никто не подумал меня остановить. Выложенная черным камнем Академия зияла мрачными прорезями на фоне серого города и безоблачно синего неба. В тот день она была сосредоточием всего, что я ненавидел. Не

имея больше цели, без всякого плана, я обнажил меч и постучал в железные двери. И решил: будь что будет.

– Ух ты, щенок! Какой злобный! – хохотнул мужчина в простой белой рубахе, который открыл мне дверь. – Учиться пришел?

Он был не старше моего отца, с такой же доброй улыбкой и мягкими глазами. И совсем не похож на монстров в черных плащах, которые приходили в нашу деревню. Я остолбенел от этого дикого несоответствия. Так и не обрушил меч, уже занесенный для удара. Просто стоял столбом и смотрел на него.

– Ну, что молчишь? – Он продолжал улыбаться, не видя явной угрозы.

– Я... – запнулся. Весь пыл, который нес меня сквозь полупустой город, вдруг мигом испарился. На плечи рухнула усталость, накопившаяся за годы пути, и я чуть не сел прямо там на пороге.

– Заходи, ты голоден? Где твои родители? – Он приобнял меня за плечо, мягко втягивая внутрь. И я поддался, опуская меч, который так и не пустил в ход.

«Скажи, что хочешь учиться», – прошептал незнакомый голос в голове. Так тихо, что я мог спутать его с собственными мыслями. А мог решить, что болезнь догнала и меня, и теперь горячечный бред пожирал голову... Потому что вновь почувствовал слабый аромат роз. Но я просто послушался. Я был таким усталым, и так давно один. Сказал то, что от

меня хотели услышать.

И остался в замке с черными башнями. Стояла ранняя холодная осень, и учебный год только начинался. Мужчину, встретившего меня, звали Фридрих, он был одним из учителей. В тот год я стал не первым сиротой, забредшим к ним с дороги. Кто-то шел за защитой и едой, кто-то мечтал стать охотником, а кто-то, как и я, жаждал мести – принимали всех.

8... Животные не умеют шутить

– Викуль, а что ты делаешь?

Вика резко оторвала руки от клавиатуры и подняла вверх, словно ее застучали за чем-то неприличным. Потом впервые за час взглянула на монитор и тут же закрыла вордовский файл, исписанный словами без пробелов. Буквы плыли перед глазами, мешались в кашу и, казалось, с неммым упреком глядели на нее. Она не стала читать текст, который так остервенело выводила на белом листе.

Вчера психолог предложила вести дневник, выплеснуть горе на бумагу, чтобы на сердце стало легче. Вечером Вика попробовала, вскрыв один из Молескинов, подаренных на работе. Так и не написав ни слова, она залила его чаем. Коричневые разводы смяли бумагу, испортили идеальную обложку... Наверно, на следующей сессии психолог сочтет и этот жест высказыванием, отыщет тайные смыслы в чайниках, забившихся в переплет, но вечером Вика просто смотрела, как скукоживаются и умирают кремовые листы. Она испачкала руки в получившейся луже, да так и забыла их помыть.

А сегодня, видимо, ее понесло.

Вика не хотела читать результат, а на сердце легче не стало.

– Высчитывала время до обеда. – Она улыбнулась словно чужими губами. Чужой голос произнес шутку, но никто,

кроме нее, этого не чувствовал.

Света улыбнулась, как будто всё в порядке, и тут же начала обсуждать новое кафе, открывшееся рядом с их офисом. Света жила в реальном мире, вечно бегущем, спешащем, изрыгающем эмоции по поводу и без. И Света еще не понимала, что Вики в нем нет.

Они были коллегами всего несколько месяцев, и, хотя успели перейти на дружескую ноту, про Кира она знала мало. Конечно, по фирме ходили слухи, что они встречались, что приезжали на работу вместе, но говорить об этом открыто не принято. Для новых коллег их с Киром роман скорее был шуткой – заместитель финансового директора и офис-менеджер, разве это могло быть серьезно?

А Вика никак не могла посчитать, сколько же в действительности осталось времени до обеда. Часы внутри молчали, солнце не выглядывало из-за туч вторую неделю, а новые эппл вотч вчера сломались. Она даже подумала, что это безумно символично. Если часов больше нет, нет и времени, то почему мир вокруг продолжал куда-то бежать?

Еще сколько-то ударов сердца спустя Света поднялась и потянула Вику на обед. По дороге к ним присоединился и сам финдир, молодой парень в идеально выглаженном костюме от Бриони, с сияющей модельной улыбкой – не парень, а ходячий стереотип. Но Вадим был любимчиком отца и поднялся до директора буквально за полгода.

Кажется, Кир его не любил, хотя почти никогда не гово-

рил об этом вслух. Просто Вика видела, с какой затаенной грустью он смотрел на Вадима, и старалась чем-то отвлечь внимание, дурацкой шуткой, поцелуем, чем угодно. Подумаешь, вылизанный успех в костюме, таких сотни и тысячи, а Кир был один.

Теперь Кира нет, а Вадим с преувеличенной галантностью распахивал перед ней двери, пододвигал стулья в кафе и даже улыбаться старался мягче, словно неосознанно пытался повторить чужую улыбку, от которой Вика таяла. Вадим вызывал ее в свой кабинет по пять раз в день и участливо старался то отвлечь разговором, то завалить работой с той же целью.

Почему вокруг никто в упор не понимал, что уже ничего не будет как раньше и сломанного человека не починить как игрушку?

Зато поняла сама Вика. Вчера вечером и поняла, глядя на залитый, навсегда испорченный блокнот. Минуя гнев и торг, она перешла сразу на четвертую стадию принятия горя, чтобы никогда не дойти до последней. Ей не смириться, время не вылечит – потому что его больше никогда не будет. Сколько раз она ни запустит новые эппл вотч, часы не затикают.

На обеде она кивала коллегам, произвольно поддерживая образ человека, которого еще можно спасти, который однажды примет всё и заново научится жить. Этот путь вызывал наименьшее сопротивление, потому что так никто не попытается залезть глубже и отыскать бездонную яму, в кото-

рую провалились все краски мира.

Потом Вика моргнула, и настал очередной вечер. Когда она закрывала рабочие файлы, случайно на весь экран выплыл документ с «дневником». Мгновение она в ступоре смотрела на большие кричащие буквы «немогу», которыми без пробелов было усеяно всё поле листа, а затем закрыла и их. Дурацкая затея.

– Виктория Олеговна, позвольте подвезти вас до дома? – из тумана, которым была укрыта вся жизнь с похорон, выплыл голос Вадима.

Она растерянно уставилась на финдира, стоящего рядом с ее столом.

– Я на машине... – с трудом нашлась Вика.

– Я оплачу завтра такси до работы. Простите, если лезу не в свое дело, но рабочий день уже час как закончен, а вы...

Он не продолжил, вместо этого выразительно глянул на монитор. Классическая заставка Винды висела там уже давно. Как долго она пялилась в пустоту?

– Хорошо. Спасибо. – Вика поднялась и просто пошла за ним из офиса, так же молча села в незнакомую машину. На душе было пусто, как на экране.

На улице уже давно стемнело, и серое московское небо тускло светилось оранжевым. Такой же свет фонарей заливал улицы, прежде казавшиеся Вике почти праздничными по ночам. Они сверкали огнями ярких вывесок, манили столиками открытых кафе, улыбались лицами случайных про-

хожих — раньше, столетия назад, в ее настоящей жизни.

Теперь всё стало серым и тревожно-оранжевым, как дождливое небо в «Гадких лебедях». Она сама стала серой под стать этим улицам, и внутри гулял такой же пронизывающий, холодный ветер, который бился о борт бегущей по трассе машины.

Вадим не спросил адреса, не проронил ни слова по дороге, позволив Вике не выбираться из вакуума ее не-жизни. Она могла быть ему благодарна, но на самом деле не испытывала ничего. Вика едва ли замечала, где находится.

Пришла в себя она уже у дома. Машина аккуратно припарковалась у подъезда, и Вадим всё же повернулся к ней. Наверно, его глаза были полны сочувствия, которое начальник не позволял себе так открыто проявить на работе, или он опять пытался изобразить ту мягкую улыбку, которая должна была покорить Викино одинокое сердце. Что бы Вадим себе ни надумал, она не стала поворачиваться и выяснять.

Внимание Вики захватила странная парочка, замершая у ее подъезда. Высокий парень в длинном черном плаще, как из «Матрицы», с распущенными темными волосами по плечи и яркими глазами, в которых плескались отблески фонарей, как одинокие корабли в чернеющем ночном море. Тонкие черты его лица были острыми, даже пугающими, но вместе с тем манящими. Словно стоило ему улыбнуться, и мрачное видение рассеялось бы, вот только казалось, что он никогда не улыбался. Его спутница тоже была в черном, но по

спине рассыпались буйные рыжие локоны, ставшие самым ярким пятном последних дней.

Ветер трепал их волосы, но двое людей, ожидавшие ее у подъезда, не двигались. Почему-то Вика с первой секунды не сомневалась: они не просто замерли молчаливыми статуями, преграждая дорогу к дому, они пришли к ней.

А потом рыжеволосая девушка повернулась, и Вика утонула. Мир окончательно померк, пропала машина, умолк Вадим, только что начавший свою поддерживающую тираду. Осталась она – и глаза напротив, за тонкой преградой лобового стекла.

Был ли это немой диалог или она выдавала желаемое за правду, Вика не знала и знать не хотела. Зато так ярко вспыхнуло ощущение, что не она одна простилась с миром, похоронив себя за невидимой окружающим пеленой. Глаза девушки, застывшей у подъезда, были так же пусты, как ее собственное нутро, – и она чувствовала, так остро чувствовала, что они похожи! На глаза навернулись слезы.

Вика не могла протянуть руку, не могла выйти на улицу и заговорить с незнакомкой, но это было и не нужно. Таким, как они, не нужны были чужие слова. Просто Вика поймала и поняла волну, и на мгновение мучительное одиночество потери отступило. К сожалению, всего на мгновение, пока она не поняла самого главного – сама Вика хотя и отгородилась от людей, но внутри утонула в отчаянии и боли, а рыжеволосая девушка давно утонула и больше не пыталась ба-

рахтаться. Она умерла и уже не пыталась выглядеть живой.

– Виктория Олеговна, – Вадим аккуратно тронул ее за руку, и Вика оторвалась от неожиданных гостей. – Вика. Я очень хорошо понимаю, как тебе тяжело, но я хочу, чтобы ты меня услышала. – Он чуть крепче сжал ее ладонь, и прикосновение каленым железом вспоролось груди. – Ты не одна. Я в любой момент готов выслушать, прийти на помощь. Не оставайся одна, Вика, прошу тебя.

По щеке скатилась одинокая слеза от боли в руке, которой не могло быть. Она потянула ладонь на себя, и Вадим легко выпустил ее. Потом прижала к сердцу, баюкая, успокаивая.

– Мне пора, – сдавленно сказала Вика, отстегивая ремень безопасности. По инерции она вгляделась в печальное лицо финдира, подсвеченное теми же оранжевыми фонарями с улицы, но не нашла в нем никакого понимания. Он говорил слова, которые не помогали, он ждал, когда Вика выздоровеет после тяжелой простуды, которая никогда не закончится. А та девушка...

Вика повернулась к подъезду, но там уже никого не было.

Была ли эта странная, замершая парочка миражом, играми ее усталого сознания? Или, возможно, когда ты больше не принадлежишь миру живых, то начинаешь видеть таких же?..

У Вики не было ответов, но именно с той ночи ей начал сниться мертвый Кир. Он лежал в гробу, который она купила, в костюме, который она выбрала, под землей, которой его

укрыли, и больше не дышал.

* * *

Кир распахнул глаза, когда последний луч солнца спрятался за горизонтом. Но разбудила его не подступившая тьма, а жгучая боль в животе. Наверно, диета – не лучший выход для неопытного вурдалака...

Он долго лежал, сдерживая стоны и проминая живот руками, будто так мог унять это сосущее чувство, но боль не отступала. Тем не менее разум был при нем. Как и клыки, отросшие за ночь острые ногти и четкое осознание, что он хотел именно крови. Свеженькой, теплой, маняще хлещущей из разорванной артерии. Он хотел залить ею всё вокруг, вымазаться целиком, нюхать и вылизывать, наслаждаться каждой каплей...

Эй, стоп!

Кир рывком поднялся.

– Кир, ты как там?

– Голодно, – хрипло ответил он, не узнавая собственный голос.

– Давай я быстро сбегаю сам, а ты меня здесь подождешь? Ехать недалеко, тут в Жулебино...

– Нет!

Кир не понял, когда успел оказаться на пороге и распахнуть дверь. Замок снес, словно того и не было.

Костя вздрогнул, но не шелохнулся. Чертов фатализм! Раз от монстра не убежать, так нет смысла и пробовать?! Ведь всего одно движение, одно крохотное усилие, и он затопит в крови весь коридор, а потом искупается в ней, сцедив в ванну остатки.

– Плохо выглядишь, – сказал Костя. – Тебе бы к Викиному косметологу.

Невинная шутка сработала как пощечина, Кир даже отшатнулся. А потом боль в желудке стала терпимой, и видения крови ненадолго померкли.

– Только если у нее вторая положительная.

– А тебе была нужна вторая? Извини, братан, я заказал что есть, не глядя.

– Я шучу. – Кир не улыбнулся, но аккуратно проскользнул мимо друга в квартиру и сразу направился в прихожую. Нужно поскорее выйти на морозный осенний воздух, он прочистит голову. – Поехали?

– Хм, – Костя мялся на месте. – А ты уверен, что тебе стоит выходить из дома?

Нет, конечно. С этого заката Кир ни в чем не чувствовал уверенности. В том месте груди, где еще вчера было столько страхов и сомнений, расплзалось всепоглощающее хладнокровие. Проклятое перерождение во всей красе. Сейчас он чувствовал себя ожившим трупом сильнее, чем когда лежал в могиле.

Сердце не стучало, но в такт несуществующему биению

сжималось всё нутро.

Он был на полголовы выше Кости и отчетливо ощущал, как легко будет его сломать. Вывернуть руку, дернуть вверх – Костя непроизвольно наклонится и вскрикнет, но вырваться уже не сможет. Шея, вены на руке, да и что привередничать – вся спина в его распоряжении, там тоже есть кровеносные сосуды.

– Я уверен, что ты не сможешь меня здесь удержать, – спокойно ответил Кир.

И Костя молча пошел одеваться.

Пустые улицы окраин Люберец встретили их голыми ветвями и пронизывающим ветром. Кир ощущал его потоки на своей коже, но холода не было – очень интересное сочетание. К сожалению, отрезвляющий эффект тоже не случился. Со всех сторон обступали хрущевки с горящими окнами – районы, в которых он вырос, но сейчас совсем не узнавал. Потому что думал только о том, что в каждом были люди. Живые, сочные...

Площадка в центре «колодца» домов была пуста – то ли от холода, то ли позднее время загнало людей по домам. А быть может, острые ветви голых деревьев, обступившие старые пятиэтажки и долбящиеся в окна в ветреную погоду, распугали их мрачными тенями. Сколько бы ни ставили фонарей в этих тихих дворах, света всегда не хватало, но отныне мрак был его другом. Мрак пригородных подворотен всегда готов укрыть его следы, а ветер – унести крики жертвы...

Кир помотал головой, прогоняя новое наваждение, и вопросительно взглянул на Костю, старательно не опуская глаза на не прикрытую толстовкой шею.

– Мы ждем такси, Кирилл, – он выделил тоном имя, будто надеялся, что оно могло вернуть человечность погибшему другу. – Я не повезу на маршрутке, полной людей, голодного упыря.

– Вурдалака, – поправил Кир. – Давай будем поэтичнее.

Вчера бы они оба от души поржали над этой шуткой. Вчера всё казалось проще и каким-то ненастоящим, а сегодня реальность постучалась в двери. Свыкнуться с фактом смерти оказалось слишком легко.

– Знаешь, что отличает нас от животных? – вдруг спросил Костя.

– Мораль? – Кир усмехнулся. Паршивый ход, никакая мораль не заглушит жажду и инстинкты. Или заглушит?

– Чувство юмора. Животные не умеют шутить.

– И правда. – Вот теперь Кир по-настоящему улыбнулся, хотя волна холода внутри продолжала разрастаться. – Тебе будет спокойнее, если я по дороге устрою стендап-шоу?

– Ну веселее уж точно.

Рядом с ними затормозила желтая машина, вся в облупившейся краске. Водитель даже не повернулся в сторону новых клиентов и уж тем более не понял, какая опасность над ним нависла. Кир скользнул на заднее сиденье быстрее, чем мог бы моргнуть. Костя сел рядом, хотя мог бы и спереди – так

себе защита, но хоть что-то. Все десять минут пути Кир пытался выжать из себя еще хоть одну шутку, но в голову лезли только дурацкие детские стишки про расчлененку. Зато отвлекся.

Они вышли неподалеку от шумного МКАДа, у какой-то безликой панельной высотки. Костя внимательно посмотрел на друга и накинул капюшон, скрывая лицо в тени. Кир повторил его жест – хладнокровие хладнокровием, но здравый смысл его не покинул. Несколько минут спустя из подъезда выскользнула хрупкая фигура в таком же капюшоне. Честное слово, происходящее больше напоминало Киру сцену из дешевого боевика нулевых, чем собственную жизнь. Не хватало только пустыря вокруг, пары пушек в кармане и подобающей музыки. И еще одного друга, который бы нервно дергался, курил, матерился, как грузчик с десятилетним стажем, и испортил бы всю «операцию». Вместо пушки Кир бы обнажил клыки и залил всё алой...

Стоп. Сегодня все шутки шли не в том направлении.

Как Кир ни всматривался в темноту под капюшоном, не мог разглядеть лицо девушки, вставшей рядом с Костей. Наверно, оно и к лучшему. Боль, сжигавшая вены, стала навязчивой мыслью, полностью меняющей восприятие окружения.

Тем временем девушка молча протянула Косте толстый пакет, он в ответ сунул несколько купюр, кивнул, и она исчезла в подъезде. Всё это без единого слова. Конспираторы.

– Она не спрашивала, зачем тебе столько крови? – Кир сделал шаг ближе и изо всех сил втянул воздух в легкие, но запаха не было. Интересно, а чем в действительности пахла кровь? В книгах аромат часто звали металлическим, хотя он никогда прежде не принимался, чтобы проверить.

– Я сказал, что мы снимаем реалистичное кино.

– Да? – Кир сделал еще один шаг ближе. – Я бы снял пару кадров сейчас.

Тех самых, где рвалась артерия, и промерзший асфальт заливал горячий поток. Неуловимый жулебинский упырь – неплохой сюжет для документалки.

Костя молча задрал бровь, а потом вновь спустил капюшон. Кир слегка устыдился, но не отступил.

– В парк, – Костя махнул рукой в сторону МКАДа, где примерно в полукилометре от них чернел лес. – Хотя лучше бы ты до дома дотерпел, надо было ехать одному.

– Друуууг, – протянул Кир. – Ты же понимаешь, что выглядишь гораздо аппетитнее, чем этот замусоленный пакет?

– Если ты не станешь прежним, когда поешь, нам предстоит серьезный разговор, Кирилл.

Он развернулся спиной и спокойно двинулся в указанную сторону.

Вчера Костина смелость восхищала, но сегодня она обескураживала. Кир даже перестал крутить в голове картины того, как он аккуратно отодвигал толстовку и вгрызлся в шею. Стало как-то неловко, и он просто пошел следом, с обычной

человеческой скоростью. Деревья так деревья, он способен подождать еще десяток минут, а там будь что будет.

Они покинули город, пересекли черту леса и шли еще минут десять, пока вокруг не осталось ни души. Идеальное место для идеального свежего ужина. Лишь тихий гул машин не давал тишине окончательно отрезать их от мира. Будут ли слышны отсюда крики? Надо чем-то заткнуть рот.

– Ты совсем бесстрашный? – не выдержал Кир.

Костя развязал фиолетовый пакет с логотипом ВВ и сунул туда руку.

– Ну ты и долбоеб, – зло ответил он и запустил в друга пакетом с вязкой жидкостью, в темноте казавшейся совсем черной.

Кир ловко поймал его и едва не отбросил в сторону. Но всё же сдержал себя, помял в ладонях, принюхался – запаха так и не было. Самое паршивое, что решающую роль в это мгновение сыграло расстояние. Пакет оказался ближе, и Кир решил, что можно сначала перекусить им, а уж потом...

Он надорвал край, не вдыхая, сразу поднес к губам и...

Кир не заметил, как отступила боль, как в последний раз обожгло вены, как все внутренности скрутило и перемололо, словно в мясорубке, как мир вокруг пошел пятнами и чуть не померк окончательно. Как уменьшилась, а потом и вовсе пропала холодная пустота внутри. Он чувствовал только непостижимое блаженство, в сравнении с которым меркло всё, что было в его прежней жизни. Он завис на волнах бес-

конечного удовольствия, глотал лучшую на свете жидкость и слушал, как тихо стучало его мертвое сердце, разнося по телу жизнь. Стучало.

Бесконечность спустя, всё еще оглушенный, он разжал пальцы и выпустил опустевший пакет. С тихим треском он ударился о жухлую листву под ногами. Голые ветви наверху расступились, окатив его светом полной луны. Он долго смотрел на нее, разглядывал каждый кратер, который теперь мог видеть и, кажется, улыбался. Луна прекрасна, можно и заменить на нее солнце. Ничего страшного не случилось...

Не случилось.

Стук сердца постепенно затихал. С ним уходила и волна блаженства.

Костя!

Только сейчас Кир вспомнил, что он здесь не один. Что он в жулебинском парке, и только что планировал смерть своего лучшего друга.

Он со страхом опустил глаза.

– Костя, я долбоеб. – Если бы всего несколько слов могли выразить, какой ужас Кир испытал в эту секунду от самого себя, он бы обязательно их произнес. Но вместо того без сил рухнул на колени, пряча лицо в ладонях. – Я... Не хочу так... Пойдем осину искать? Самое время проверить легенду.

Он сказал это совершенно искренне, потому что уже не видел иного выхода. Кир понял, как работала «кровавая жажда» и о какой свежатинке говорил его убийца. Ты не те-

рял разум, но прощался с жалкими остатками своей человечности. Становился хладнокровным монстром, каким и вылез из могилы.

Костя долго молчал, но Кир слышал, как тяжело он дышал, словно марафон пробежал. Зря он думал, что друг ни капли не боялся.

– Кир, – он вдруг подошел и положил руку ему на плечо, – кушай вовремя, лады? Голодный, ты невыносим.

Кир поднял глаза, и ему стало еще хуже. Друг не осуждал его, не попытался прибить, хотя сейчас, видят боги, лучший момент. Не факт, что у него еще когда-нибудь достанет решимости на такой шаг.

А потом Костя подал ему руку, и они поехали домой. Даже в самых страшных кошмарах Кир надеялся больше никогда не увидеть этот лес.

7... Я вурдалак, а он упырь поганый

До конца ночи Кир больше не покидал своей кладовки. Пусть на ней больше не было замка, а дверь не могла считаться достойной преградой от голодного упыря, она создавала хрупкую иллюзию уединения, так необходимую в диком приступе самобичевания.

Он не мог убить себя, не мог и контролировать, не мог знать, когда монстр внутри опять распахнет свою ненасытную глотку и постарается съесть то последнее, что осталось у Кира от человеческой жизни. Как теперь смотреть Косте в глаза?

Как существовать с Викой в одном мире, постоянно представляя для нее худшую угрозу?!

Эта мысль молотила голову раскаленным топором, но Кир малодушно не мог покончить со своей не-жизнью. Даже для защиты Вики.

Какой же он отвратительный, трусливый слабак! Самый мерзкий вид монстра.

Под утро он услышал, как Костя положил еще один пакет рядом с дверью, но не нашел в себе сил поблагодарить его. Голода он не чувствовал, а от одной мысли о новой порции крови хотелось блевать.

Могут ли упыри плакать? Или из глаз тоже польется эта поганая алая...

Он отрубился, продолжая как в тисках сжимать голову ладонями.

А следующим вечером Костя распахнул дверь ровно в тот момент, когда Кир открыл глаза. В одной его руке был пакет с кровью, в другой – бутылка пива. Друг настороженно глядел на него, свернувшегося в углу.

– Я в норме, – тихо ответил Кир на незаданный вопрос.

Костя кинул пакет в сторону кухни, тот со слякотным звуком приземлился на пол, отчего у Кира желудок обожгло, как будто по нему резко провели наждачкой. Но это всё еще не был голод.

– Поговорим. – Костя протянул пиво.

Долгие, серьезные разговоры не были сильной стороной Кости. Если вспомнить, они их вообще никогда не вели, и, хотя бы от удивления, точно стоило подняться. Но Кир медлил.

– Почему ты меня не боишься? Ты же понимаешь, что я чуть не убил тебя? – Он хотел сказать это уверенно, пугающе, но голос дрогнул и сорвался.

– Не убил же, – Костя пожал плечами. – Пошли, я не хочу всю ночь тусить в кладовке, мне уже не пятнадцать.

И Кир угрюмо поплелся следом за другом в полутемную комнату, освещенную, как обычно, только одной настольной лампой и ярким монитором. Бутылку он тоже взял и даже

открыл по пути. Холодное пиво приятно разлилось внутри, вытесняя из памяти навязчивый привкус крови.

– Кирилл, – официально начал друг, развалившись в любимом кресле у компа. Дышал он ровно, и даже сердце стучало спокойно. – Твоя жизнь изменилась, это факт, который нам стоило принять чуть раньше. Появились ограничения и правила, которые нужно неукоснительно соблюдать. Забить болт на еду, как в молодости, уже не выйдет, – он хмыкнул. – Но с этим можно жить. Человек – существо адаптивное, ко всему привы...

– Но я больше не человек, Константин! Сдох твой друг, понимаешь?! Остался в могиле на Введенском, а тот, кто выбрался, – тебе не Кир. Ты пустил в дом упыря! И мой тебе совет, добей его днем, раз он сам не может.

Даже в полумраке Кир видел, насколько сильно Костя закатил глаза. Да как он не понимает?! Всегда был таким умным, хладнокровным, расчетливым, а тут вдруг решил в сентиментальность поиграть!

– Выговорился? – спокойно спросил Костя, спустя минуту тишины.

– Нет, черт тебя возьми, – уже спокойнее ответил Кир.

– У тебя стресс, я понимаю.

– А у тебя нет, что ли?!

– Если тут еще и я буду истерики закатывать, мы далеко не уедем, – совершенно безапелляционным тоном заявил друг.

– Будем жить припеваючи в ожидании, когда я съем тебя?

Или доберусь до соседей?

– С твоим уровнем самобичевания ты скорее себе руку откусишь.

– Костя. Я. Чуть. Тебя. Не. Убил. – Кир говорил тихо и медленно, почти по слогам донося самую ужасную мысль в своей жизни. И совсем не такой реакции он ждал. Может, надо сказать еще медленнее? Может, от страха у Кости действительно отключились мозги? Он возомнил себя героем, который способен приручить и воспитать упыря, ставить на нем опыты, писать диссертацию.

– Кир, я хочу, чтобы ты максимально сконцентрировал свое затуманенное угрызениями совести сознание на том, что я сейчас скажу. – Он даже пиво поставил на стол, сцепил пальцы и стал похож на классического психоаналитика из западных фильмов. Очков это ему не добавило, конечно, но внимание привлекло. – Разве ты не заметил, что не убил меня? Я сижу перед тобой, вполне целый и здоровый. У тебя была сотня возможностей, ты был очень голоден и, видимо, лишен части своих моральных принципов. Однако ты всё равно ими не поступился.

– Это случайность, – пробормотал Кир.

– Вселенная, – неожиданно Костя закатил глаза к потолку и заговорил с небом, которого не мог видеть, – за что мой друг – такой дурак? Ему достаточно вовремя питаться, и всё будет в порядке. Но он решил устроить драму.

И вот это было обидно. Настолько, что в первый момент

Кир не нашелся что ответить. Низвергнуть его страдания о собственной смерти до дешевой драмы было очень подлым ходом. Подлым и действенным.

– Ты не знаешь наверняка, – сказал Кир после долгого молчания просто для того, чтобы что-то сказать. Очевидно, как белый день, которого ему больше не увидеть, что друг был прав.

– Наверняка я не знаю, свалится ли мне завтра кирпич на голову. И на это больше шансов, чем на то, что ты сорвешься. Консервы мы твои купили, кончатся – купим еще, мало разве больниц по Москве.

В его устах всё звучало так просто, словно речь шла не о жизни и смерти, а о банальной проблеме всех взрослых людей – жарить макароны с сосисками на ужин или всё же обойтись салатом и наконец начать худеть.

– Костя, почему ты с самого начала вдруг так поверил в меня? Почему не убежал, когда понял, что я... проголодался? Ведь я и сам не сразу осознал это, а вот ты заметил тут же.

– Ну, – друг наконец-то замялся и отвел глаза, – у хищников очень сильны инстинкты. Они мгновенно бросаются на бегущую жертву...

– Ага! – радостно вскрикнул Кир, но продолжить свою мысль не успел.

В дверь настойчиво постучали. Не позвонили, а именно постучали.

– Ты кого-то ждешь? – шепотом спросил Кир, Костя от-

рицательно покачал головой. – Может, тебя нет дома?

Словно в ответ на его вопрос стук продолжился и стал очень настойчивым. С той стороны двери не сомневались, что хозяева дома. Костя неуверенно поднялся, но Кир его опередил. Первым подскочил к двери, в которой почему-то не было глазка, прочистил горло и гаркнул:

– Кто?

Одно он точно уяснил о своем новом положении: его сила превосходила человеческую. И если за дверью не Ван Хельсинг, то и бояться ему лично нечего, дармовая сила часто кружит голову.

– Свои, – так же неприязненно ответили из подъезда, и этот ответ Киру очень не понравился. – Открывай давай, Кирилл.

Можно было прыгнуть в окно – вряд ли падение с девятого этажа сильно повредит мертвому телу, умеющему регенерировать. Но вот Костю он так легко не спрячет.

– Открывай, а то дверь снесу.

Выбора не осталось, и Кир открыл.

На пороге стоял парень в кожаном плаще в лучших традициях «Другого мира» – длинные волосы по плечи были явно уложены и слегка поблескивали в неровном свете подъездных желтых ламп, лицо выглядело таким бледным, словно он намеренно его пудрил. В целом, он был бы довольно красив, как мечта фанаток вампирских саг, но раздраженно сошедшиеся на переносице брови портили весь романтизм

образа. За ним Кир не сразу заметил девушку.

Тоже вся в черном, с длинными рыжими, слегка выющимися волосами, она больше напоминала сказочную эльфийку из произведений Толкина в исполнении Питера Джексона. Даже россыпь веснушек была ей к лицу, а зеленющие глаза выглядели настолько манящими и глубокими, что в других обстоятельствах Кир бы уже глупо улыбался и точно бы «поплыл».

Определенно, раздраженный парень всё портил.

– Вот ты где шляешься, дебил! – Кир не успел увернуться, и по голове прилетела смачная оплеуха. Он отпрянул, но дверь закрыть не рискнул.

– Мы знакомы?

– Прямо тут будем разбираться? – еще больше взбеленился парень. – Скажи своему человеку, чтобы пригласил нас.

Ага, значит, без приглашения всё же никак.

– А если не скажу? – Он сделал еще один шаг внутрь и вновь почувствовал себя хозяином положения, даже руки на груди скрестил.

Но тут в ответ усмехнулась девушка. А потом ловко обогнула своего спутника и без проблем шагнула в квартиру. От удивления Кир не отпрянул, а буквально отскочил вглубь. И тут же напоролся на Костю.

Тем временем девушка бегло оглядела открывшуюся ей квартиру и вновь равнодушно уставилась на Кира. Только вблизи он заметил, что прекрасные, глубокие зеленые глаза

гостыи холодны, как вечная мерзлота, и совершенно пусты. Они так не похожи на теплые карие глаза Вики, что на долю секунды расплылся весь мир, явив в голове один-единственный, самый желанный образ.

– Ну раз выбора нет, входите, – серьезно ответил Костя.

Второй гость бесцеремонно шагнул через порог, смачно хлопнул дверью и без спроса прошел в комнату, где тут же развалился в кресле Кира. Вид его не стал от этого более благодушным, но драться он явно пока не собирался. Рыжая девушка встала за его спиной, оперевшись плечом о стену.

А Костя, предатель, предусмотрительно замер в тених в коридоре. Комнату он видел, но заходить не спешил, как и говорить первым. Кир хотел сказать, что он понятия не имел, откуда эти «пришельцы» его знали, и вообще, стоило бы извиниться за то, что по его милости концентрация упырей в квартире выросла вдвое, вот только язык отказывался слушаться.

– Так и будешь там столбом стоять? Скотина ты безответственная, третью ночь тебя по всей Москве ищу, а ты в Люберцах отсиживаешься! – Гость, очевидно, хотел со злостью плюнуть яду под ноги, но вовремя заметил недопитую бутылку пива на столе, недолго покрутил ее в руках и сделал большой глоток. Кажется, тут его немного отпустило.

– Зачем?... – только и смог выдавить из себя Кир. Зато его ноги отмерли и сами понесли в Костино кресло. Наверно, это была довольно выгодная позиция – рядом компьютер, кото-

рый можно быстро швырнуть в гостей... Или вызвать полицию? В голову лезла всякая чушь. На самом деле, там стояла вторая бутылка, и ему очень нужно было промочить горло.

Рыжая девушка внимательно проследила за его перемещением, а потом перевела взгляд за окно, словно она ужасно скучала и искала хоть по ту сторону какого-то зрелища. Нерешительность Кира ее совсем не развлекала.

– Что «зачем»? – вдруг усмехнулся парень, снова прикладываясь к его бутылке. – Зачем вы пьете такое дерьмовое пиво или зачем кошки нарождаются? Ты, блин, философ, что ли? Любишь риторические вопросы, да?

Он уже открыто хохотнул и посмотрел на свою спутницу. Но и эта попытка в стендап ее не впечатлила. Парень мигом согнал улыбку, вернув зверский оскал. Помнится, в «Другом мире» было принято ходить с такими постными рожами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.